

Дмитрий Аккерман

Für Elise

Дмитрий Аккерман

Fur Elise. Мистический сборник

«Издательские решения»

Аккерман Д.

Fur Elise. Мистический сборник / Д. Аккерман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936873-7

В далекой Сибири могут происходить очень странные события. Иногда не менее странные, чем в Трансильвании или Бермудском треугольнике. Просто иногда нужно посмотреть на мир под другим углом...

ISBN 978-5-44-936873-7

© Аккерман Д.
© Издательские решения

Содержание

Сила тока	6
Молодежный рассказ	6
Венчание	22
Романтическая история	22
Тварюшка	35
История одной девушки	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Fur Elise

Мистический сборник

Дмитрий Аккерман

Дизайнер обложки Наталья Шапарова

© Дмитрий Аккерман, 2018

© Наталья Шапарова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-6873-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сила тока

Молодежный рассказ

Мы с Юленькой медленно передвигались в сторону роши.

Сегодня мне впервые удалось заинтересовать ее. До этого она мало обращала внимания на мои приставания: дергания за хвостик ее волос, плоские шутки и вычитанные в сети остроты. Я понимал, что веду себя по-дурачки, но не мог ничего с собой поделать.

Юленьку гораздо больше привлекали Мишка и Юрка. Я знал, что они круче меня – Мишка был спокойным, как удав после десятка кроликов, и если и шутил, то с таким мрачным выражением лица, что вся группа покатывалась со смеху. А Юрка прыгал-скакал-бегал, был первым на физвоспитании, занимался какими-то экстремальными видами спорта и не обращал внимания на наших смазливых курочек, что сразу возвышало его на голову в сравнении с остальными.

Не то чтобы Юленька была в них влюблена: нет, она, кажется, вообще никем в этом смысле не интересовалась. По крайней мере в нашей фазанке. Ее жизнь за границами учебного времени оставалась загадкой для всех. Мы знали лишь, что она жила где-то далеко у Затона, в старинном каменном доме. Дом уже частично развалился, но красивая резьба и колонны еще сохранились. Можно было легко представить, как шикарно он выглядел лет сто назад.

Она часто разрешала себя провожать – все тем же Юрке и Мишке. Остальные как-то не напрашивались – Юленька была умницей, и несколькими словами могла поставить в тупик любого ловеласа. Поэтому, несмотря на потрясающую, на мой взгляд, внешность и роскошную фигуру, за ней никто даже не пытался ухаживать.

Я «заболел» Юленькой сразу, как только она перевелась в нашу фазанку. Однако самое большее, что мне удалось за это время – это пересесть на заднюю от нее парту. Юленька упорно сидела с блондинкой Яной, которая была фантастической дурой – но зато молчаливой дурой. Я часто слушал, о чем они шепчутся на занятиях – почему-то с Яной у Юленьки выключались мозги и включалась «девочка». Особенно азартно они обсуждали физика Палыча – женат он или нет, кто так плохо гладит ему рубашки, почему он не носит галстуки, и тому подобную девчачью дребедень.

Я думаю, они понимали, что я многое слышу, но даже не пытались как-то скрывать свои разговоры. Это ставило меня в унижительное положение «подружки» – хотя официально на такой роли в группе был белобрысый Леша. С ним девочки, кажется, даже в туалет вместе готовы были ходить.

Сегодня мне просто повезло. О новой компьютерной игрушке мы разговорились с Юленькой еще на последнем занятии. К счастью, была биология, и никто не обращал внимания на то, что Юленька сидит все занятие затылком к преподаше. Биология вообще была прекрасным предметом: на ней все в аудитории занимались своими делами, а преподаша – своими. Главное было не шуметь – кабинет директора был рядом.

Разговор продолжился в коридоре, после занятий. Я со страхом ожидал, что откуда-нибудь вынырнут Мишка или Юрка, и Юленька уйдет с ними – но этого не случилось. Мы вышли на улицу – был чудесный майский день. Разговор от игрушек постепенно перешел на жизнь вообще – я шел рядом с ней и млел от счастья. Это именно она легко и непринужденно разговаривала со мной, красавица, объект моих дневных мечтаний и ночных страданий. Это ее грудь находилась на расстоянии вытянутой руки от меня – близкая и совершенно недостижимая. Это ее губы произносили слова, предназначенные мне. Это ее язык облизывал эти губы...

Я не сводил с нее глаз и из-за этого часто спотыкался – но она не обращала на это внимания. Она рассказала мне про родителей, про ночные бдения в сети, про веселые розыгрыши, которыми она увлекалась. Да, ее жизнь была интереснее моей – кроме скандального развода родителей и скучных вечеров, мне было нечем похвастать.

Дорога к ее дому шла по пыльной улице – но она почему-то свернула в сторону рощи. Я не возражал – каждая минута, проведенная с ней, была для меня счастьем. Соваться в рощу было рискованно – там хватало гопников, которые могли устроить нам обоим кучу неприятностей. Особенно мне – приезжому из другого района. Но сказать об этом Юленьке, конечно, я не мог, и лелеял надежду, что все гопники дружно умерли с похмелья сегодня утром.

В голове я уже сотню раз прокрутил несколько сценариев дальнейшего развития событий. Как я спрашиваю ее, есть ли у нее парень, и получаю отрицательный ответ. Как я предлагаю ей любовь и дружбу, и получаю застенчивое, но уверенное согласие. Как я целую ее, прижав почему-то к березе...

Впрочем, ничего из этого я не делал, и вряд ли сделал бы когда-либо в жизни. Я понимал, что упускаю единственный, наверное, данный мне кем-то сверху шанс – но язык прилипал к гортани, ноги подгибались, и по спине тек холодный пот при малейшей попытке хотя бы спросить про парня. Я молча ругал себя последним трусом, но так и не решался.

В роще было на удивление малоллюдно. Это, конечно, пугало, но внушало надежды на какой-нибудь интересный поворот событий. Юленька сразу свернула на боковую тропинку, которая шла по самым зарослям. Признаться, меня ее выбор весьма озадачил: по слухам, именно в этих зарослях обычно творились всевозможные непотребства, пугавшие родителей и дразнившие мое воображение. Юленька не могла не знать об этом. Значит, она сознательно ведет меня туда?

Она мило болтала, не обращая, казалось, внимания на то, куда мы направляемся. Мы уже забрались в самую глушь. Вокруг никого не было, даже птицы затихли. Юленька внезапно свернула в сторону, и исчезла за кустами.

– Ой, что за фигня тут? – услышал я ее голос. Пролез за ней через кусты: на небольшой поляне лежала какая-то металлическая конструкция, больше всего напоминающая остов корабля.

– По-моему, это какой-то корабль... – сказал я.

– Да нет, я не про это. Это наше любимое место...

Меня царапнуло слово «наше». Значит, она привела меня сюда, куда не раз приходила с кем-то другим.

– А про что?

Впрочем, я уже сам увидел. Откуда-то сверху спускался толстый черный провод. Он шел в красный ящичек, который противно зудел. От ящика отходили еще два провода – один был зацеплен за металлический каркас.

Я увидел длинные серые стержни и сказал:

– Так это же сварка.

– Ага, – сказала Юленька. – Я уже поняла. А где сварщик?

Действительно, рядом никого не было. И не рядом, судя по всему, тоже.

– В туалет отошел, – пошутил я.

– Скорее уж за бутылкой. Каким надо быть дебилом, чтобы распилить наши железки?

– А почему ты решила, что распилить?

– А чего же еще? Вон, уже начали.

Несколько уголков, действительно, были вырезаны из общего каркаса и лежали поодаль.

– На металлолом сдадут, – грустно сказала Юленька. – А у меня тут все детство прошло...

– Ни фиги переть-то это железо на себе...

– Да что им, алкашам...

Она вскочила на конструкцию и начала качаться, весело глядя на меня. Конструкция мерзко скрипела.

– Иди сюда, поскачем!

Хм. Я, конечно, любил побалдеть, но в свои годы считал не совсем приличным качаться на каких-то железках.

Она тем временем подтянулась на стальной перекладине и вдруг, изогнувшись, забросила ноги вверх и повисла вниз головой. Перед моими глазами мелькнули белые трусики – я зажмурился, потом осторожно открыл глаза. Без тени смущения она висела, держась согнутыми ногами за металлическую штангу, и насмешливо глядела на меня. Ее ноги казались еще длиннее, чем обычно – я старался не смотреть на то место, где они сходятся, но не мог отвести глаз.

– Слушай, а тебя... нас током не долбанет? – вдруг осенило меня.

Юленька остановилась, ловко спрыгнула на землю и с сожалением посмотрела на меня.

– Ты бы физику лучше учил, чем с девушкой по роще гулять, – скептически сказала она. – При сварке ток большой, а напряжение маленькое. Не убьет, даже если электроды в руки взять. Смотри.

Она соскочила с конструкции на землю и направилась к гудящему ящику.

– Стой, – я схватил ее за руку.

– Что? – она остановилась и, не обращая внимания на мою руку, уверенно посмотрела мне прямо в глаза. – Я же сказала – безопасно.

Меня самого как будто ударило током. Я держал ее за руку. Мои губы были в сантиметре... ну ладно, в десяти, от ее губ. Она была передо мной, смотрела мне в глаза и... Я медленно наклонился к ней, чувствуя, как сердце стучит у меня в голове и вот-вот вырвется наружу.

Она вывернулась и протянула руку к лежащему на земле электроду. Я схватил ее поперек туловища, потащил к себе. Она весело засмеялась и продолжала тянуться. Я вдруг понял, что под моими ладонями находятся упругие мячики ее груди... от неожиданности я разжал руки, и тут что-то с силой ударило меня в голову. Как будто доской, со всего размаху. Я увидел фейерверк искр, летящих из-под рук Юленьки. Меня отбросило назад, и я потерял сознание...

* * *

В голове гудело. Он открыл глаза и увидел низко свисающие ветки черемухи. Над ними – синее небо. Где-то там, высоко, висел серебристый крестик самолета.

Он вспомнил все то, что было. Или привиделось? Рывком сел, ожидая резкой боли в голове. Боли не было. И гудело не в голове – гудел компактный трансформатор, совсем рядом с ним.

Юленька лежала ничком, ногами к нему. В ее руке был зажат один из электродов. Второй лежал рядом. Ее юбка была похабно задрана, и теперь он разглядел, что трусики были вовсе не белыми, а в мелкий красный горошек.

Он встал, рефлекторно отряхнул испачканные штаны. «Мать будет ругать», – появилась в голове глупая мысль. Он огляделся в поисках палки – картинка из школьного учебника ОБЖ сама собой всплыла в памяти. Там дебилического вида мужичок палкой откидывал провод с тела другого человека. По внешнему виду лежащего было понятно, что ему уже все равно.

Он не нашел палку, снял с себя рубашку, сложил ее в несколько слоев и через нее осторожно прикоснулся к проводу, идущему к электроду. Потянул на себя, готовясь в любой момент отпрыгнуть назад. Юленька крепко держалась за металл. Он дернул сильнее – ему показалось, что Юленька пошевелилась, затем разжала пальцы и отпустила электрод.

Он отбросил смертоносную железку подальше и подошел к девочке. Его жутко возбудил ее вид – беспомощный и развратный одновременно. Он потрогал ее руку – рука была теплой и вовсе не казалась безжизненной.

– Юлька, – потрепал он ее за плечо. – Ты живая?

Она не шевелилась. Он потянул ее за руку – тело оказалось неожиданно тяжелым. Приложив усилие, он перевернул девушку на спину. И по остановившимся зрачкам глаз понял, что она мертва.

Ему не было страшно, хотя мертвецов до сих пор он видел только в кино. Юленька смотрела прямо вверх. Он потрогал ее за пульс – пульса не было. Тогда он подумал, что, когда человек без сознания, пульса может и не быть. Прикоснулся к ее груди, потом медленно перевел руку ниже – туда, где должно быть сердце. Сердце не билось. Тогда он вернул руку на грудь и стал осторожно ее тискать.

«Она же мертвая», – сказал он сам себе. «Ну и что», – ответил он же.

Был еще один способ, о котором он читал в книжках. Он наклонился над ней, поднес щеку к ее губам. По описаниям, даже у людей в глубоком обмороке ощущалось хоть какое-то дыхание. Ничего не было. Он повернул голову, и желая, и боясь посмотреть ей в глаза. Ткнулся губами в ее губы – они оказались неожиданно теплыми и податливыми. Ему даже показалось, что она отвечает на его поцелуй. Он захватил ее губы своими губами, провел по ним языком. Юленька пахла клубникой, и ее губы были живыми.

Он понимал, что должен остановиться и подумать о том, что она мертва. Что надо бежать, кого-то звать на помощь. Прибегут люди, родители Юленьки, милиция. Его будут допрашивать, подозревать. Мать будет плакать и бить его ремнем по спине, как в детстве. Ни за что – не он же толкнул ее под высокое напряжение. Хотя... как он это теперь докажет?

Он стряхнул наваждение, поднял голову и прислушался. Неведомый сварщик явно задерживался. Наверняка где-то пьет с такими же, как он. А ведь именно он был виноват в смерти Юленьки. Было бы хорошо, чтобы к приезду милиции он тоже подошел. Но пока вокруг была полная тишина.

Тогда он осторожно расстегнул пуговицы на ее блузке. Он заметил, что она была без бюстгалтера, еще сегодня утром, на занятиях. Соски ее груди нагло выпирали через блузку, но ее, казалось, не волновало, что это видит вся группа. И не только.

Он испытал невероятное наслаждение от того, что расстегивает ее блузку. В другой ситуации он бы уже умер от счастья прямо на месте – но сейчас на эти глупости не было времени.

Грудь была красивой. Она была просто невероятно красивой. Он провел руками по бархатистой коже, потом легонько сжал пальцы, почувствовав всю упругость округлостей. Скрутил пальцами соски, подсознательно ожидая реакции девушки на боль. Она осталась безучастной. Тогда он присосался к груди губами, одновременно глядя ее по животу и бедрам. Ему казалось, что она отвечает на его ласку, что ее тело трепещет под ним, отзываясь на каждое движение.

Одновременно в его голове шел процесс размышления о природе электричества. Он много читал про это, и понял главное: никто из физиков не понимает, что такое электричество на самом деле. И уж тем более как оно действует на организм. Он вспомнил про случай, когда мальчика вроде бы убило молнией, а потом он ожил, и у него открылись странные способности. Тогда он еще долго мечтал об этом и даже торчал в грозу на крыше в ожидании, что молния попадет в него.

Ему пришло в голову, что Юленька сейчас полностью в его руках. И он может делать с ней то, что захочет. Самые свои заветные мечты – то, за что было стыдно все бессонные ночи. Он может реально делать с ней ВСЕ. А потом – хоть конец света.

Он встал на колени, раздвинув ее ноги, и потянул вниз трусики. Снять их оказалось неожиданно сложно – у Юленьки была округлая попа, которая не давала стащить их просто так. Ему пришлось приподнимать ее зад – она оказалась тяжелее, чем он думал. Однако результат оправдывал труды – она лежала перед ним почти голая, бесстыдно раскинув ноги. Заветный бугорок, на который он мечтал посмотреть вживую последние три года, был перед ним как на ладони.

Он был готов уже сейчас ворваться в нее и терзать ее плоть – но усилием воли заставил себя не торопиться. Запустил пальцы в ее светлые редкие волоски, нежно погладил ее по низу живота. Потом раздвинул губки, запустил палец туда. Ощутил влажную горячую расщелину. У него закружилась голова, он понял, что сейчас потеряет сознание от страсти.

Еще раз прислушался – тишина. Неуклюже стянул с себя штаны вместе с трусами, согнул ноги Юленьки в коленях и улегся на нее. Все оказалось не так просто, как в байках старших друзей. Он тыкался в упругое тело, и никак не мог сообразить, куда. Наконец до него дошло, что Юленька наверняка девственница – а потому ему предстоит совершить тот подвиг, который является священным долгом любого мужчины.

Встав на колени, он разглядел наконец маленькое темнеющее отверстие. И решительно двинулся в него. Отверстие не пускало, хотя было мокрым. Наконец он почувствовал, что плоть прогибается под его напором – резко двинул тазом вперед и ощутил, что прорывается внутрь. Какой-то звук отвлек его внимание – как будто кто-то охнул женским голосом. Он замер, чувствуя, как тело Юленьки плотно облегает его орган, вызывая сладострастные ощущения, пробивающие вдоль спинного мозга. Тишина.

Он схватил Юленьку за бедра, впился губами в ее губы и начал судорожно двигать тазом. С каждым движением безумно приятные ощущения внутри него все нарастали. Это совсем не было похоже на его одинокие порочные развлечения в ванной, когда он выполнял обе роли – и мужчины, и женщины. Делать это с живой девушкой оказалось в миллион раз слаще и сильнее. Живой?

Он открыл глаза и приподнялся. Глаза Юленьки были все так же открыты и смотрели в небо. Но он готов был поклясться, что где-то внизу, в районе ее живота, в такт его движениям сокращались ее мышцы.

«Ладно, потом разберемся», – подумал он. Сейчас он был весь сосредоточен на том органе, который был полностью погружен в девушку. Он уже не контролировал себя: казалось, вместо него кто-то другой судорожно двигает его бедрами, посылая снаряд вперед и тут же

извлекая его обратно. Он почувствовал, что сейчас уже все, и в последний момент подумал: «А вдруг она залетит?»

Становиться отцом ему вовсе не хотелось, но остановиться он тоже не мог. Внизу его живота уже раздувался огромный горячий шар: еще чуть-чуть, и он взорвется...

– А-а-а, – истошно заорал он и захлебнулся собственной слюной. Судороги оргазма били его не хуже электричества. Он чувствовал, что весь запас его неразделенной любви сейчас вливается внутрь Юленьки.

Он очнулся от ощущения, что под щекой мокро. Он лежал лицом на лице Юленьки, в луже собственной слюны. Где-то внизу остро стучал пульс. Его пульс. Юленька не шевелилась.

Чувствуя полное опустошение, он встал, брезгливо посмотрел на слизь и кровь, стекающие по ее и его бедрам. Сначала хотел вытереться трусиками девушки, но потом вспомнил про безопасность, отошел в куст и вытерся листьями. Юленька лежала на спине, голая и соблазнительная – но сейчас она его уже не возбуждала.

Надо было бежать. Он подумал, надел на нее трусики – они тут же промокли от крови. «Странно, откуда кровь – она же мертвая», – безучастно подумал он. Застегнул ее блузку, стараясь не оставлять кровавых следов от пальцев. Нашел сумочку, отброшенную ей в сторону в самом начале их визита сюда. Помедлил, не удержался, открыл. В сумочке не было ничего особо интересного – несколько тетрадок, зеркальце, помада, ножнички, пачка прокладок, паспорт, немного денег. Он открыл документ, посмотрел на фотографию Юленьки не такой уж и большой давности. Да, она стала еще красивее. В обложку паспорта была воткнута фотография парня. Броская внешность, наглые глаза, лет двадцать на вид. Он покачал головой, злобно подумал: «Зато я был первым».

Он сложил все обратно в сумочку, положил ее рядом с Юленькой. Потом все той же свернутой рубашкой подтащил электрод поближе к ее руке. Чтобы не было никаких сомнений. Затем расправил рубашку, надел и вышел на тропинку.

До края рощи он крался, как испуганный заяц – высматривая из-за кустов как гопников, так и нежелательных свидетелей. Никого не было. Ближе к институтским задворкам в роще стало неожиданно много народу: он удачно смешался со стайками студентов и вышел к остановке. Конечно, ему было нужно алиби – но это было, видимо, нереально. Да и то, что он ушел из фазанки вместе с Юленькой, могли видеть несколько десятков человек. Если, конечно, они обратили внимание на такую мелочь, как он.

Дома он долго отмокал в ванной, потом стирал штаны и трусы. Они подсохли на балконе, но перед приходом мамы пришлось надеть их сырыми: он не смог бы объяснить ей неожиданно возникшую чистоплотность. Все это время Юленька не шла у него из головы – он то содрогался, ожидая звонка в дверь и появления милиции и учителей, то возбуждался, вспоминая произошедшее.

К вечеру он устал от этой раздвоенности, но прекрасно понимал, что теперь ему с этим жить. И что сегодня он точно не уснет. Ближе к полуночи, когда мать уже легла, он не выдержал, заперся в ванной и, вспомнив пережитые сегодня ощущения, мощно извергся на кафель-

ную стену. Потом прокрался к буфету, осторожно, стараясь не брякнуть стеклом, налил себе полстакана коньяка и залпом выпил. Коньяк подействовал мгновенно: он вдруг понял, что все произошедшее – ерунда, проблема яйца выеденного не стоит, его никто никогда не найдет.

К счастью, он не пошел говорить об этом с мамой, а упал в кровать и мгновенно заснул.

* * *

Его жизнь превратилась в кошмар. От каждого стука он нервно вздрагивал и был готов закричать. Речь шла даже не о днях – о часах, с каждым из которых напряжение все больше нарастало. Юленьку не могли найти.

В первый день после происшествия он шел в фазанку, нервно озираясь и подозревая в каждом взрослом мужчине мента в штатском. Он думал только о ней – и ноги несли его в рощу: посмотреть, там ли она все еще. Особенно сильно это ощущалось после занятий – он выходил на улицу, и в голове всплывал тот день.

Его никто ни о чем не спрашивал. Вообще было подозрительно тихо: он помнил, как когда-то давно, лет пять назад, пропала Танька-танкетка. Тогда в первый же день поставили на уши всю школу, класс таскали на допрос, буквально тянули жилы: кто ее видел, с кем, где. Танкетка нашлась на следующий день, совершенно нормальная, только с жуткого будунища: она сутки пила с какими-то взрослыми мужиками.

Юленьки, казалось, никто даже не хватился. Преподы ходили спокойные, ментов в фазанке не появлялось уже с полгода, и вообще все было как обычно. Он уже начал думать, что все это приснилось ему в дурном сне – но со снами была отдельная история.

Стоило ему сомкнуть глаза, как к нему приходила она. Почти голая, в светлых туфельках, в юбке, задранной вверх. И нагло приставала – так нагло, как он и представить себе не мог в самых развратных мечтах. Чаще всего она распластывала его по кровати, садилась сверху и скакала, глядя куда-то вверх мертвыми глазами. Он просыпался от собственного крика, весь в поту и излившейся на живот сперме. Долго приходил в себя, содрогаясь одновременно от ужаса и блаженства. Потом растирал сперму простыней и пытался снова заснуть.

Наутро он просыпался измочаленный и нервный. Мрачно ел оставленный матерью завтрак и шел на занятия.

Так прошло пять дней. Он уже совсем решился свернуть после занятий в рощу и посмотреть, но Юленьку нашли.

Фазанка мгновенно превратилась в бедлам. Девчонки рыдали, учителя ходили озабоченные и злые, мальчишки сладострастно фантазировали на соответствующие темы. Он для безопасности скалил зубы вместе с ними, но внутри него прочно засел страх.

Он уже жалел, что так безрассудно оставил свои мокрые следы на том месте. Любая экспертиза сразу вычислила бы его среди сотен других вероятных кандидатов на роль злодея.

Занятия пошли прахом: преподавателям было не до них. Только кураторша пыталась прочитать какую-то мораль, но быстро сорвалась на слезы и распустила всех по домам. Он

пошел по улице, погруженный в раздумья, и тут увидел толпу пацанов – из их группы и соседней. Парочка парней постарше с ажиотажем что-то доказывали. Он подошел поближе – сначала на него взглянули с подозрением, но потом признали своего.

Пацаны договаривались пойти посмотреть место смерти Юленьки. Спор был из-за того, что никто толком не знал, в каком месте роши ее убило. Ему захотелось провести всех в те кусты – он сдержался и молча поплелся за толпой.

В роше было много милиции – на них пару раз прикрикнули, они еще часок побродили между деревьев и разошлись по домам, так и не найдя ничего интересного.

Его мать уже знала обо всем. Она долго рассуждала о современных нравах, что-то вспоминала из своего детства, потом расспрашивала его про Юленьку. Он односложно отвечал – мать списала это на расстроенные нервы и отправила его спать.

Как ни странно, но милиция никого не допрашивала. Он подумал было, что следователи приняли версию о случайном убийстве током – но пару раз подслушал шепотки девочек по углам и понял, что про их интим известно не только милиции, но и всем остальным. Только все думают, что это произошло до того, как Юленьку убило.

На похороны Юленьки пришел, кажется, весь район. Впрочем, нет – весь не влез бы в небольшой ритуальный зал. Он заранее протолкался к гробу, еще до того, как в зал битком набился народ. Спрятался за спины почерневшей матери Юленьки и до остекления пьяного отца. Потом осторожно выглянул в щелочку между ними.

Юленька лежала в гробу, как невеста – вся в белом, нарядная и красивая. Ее глаза были закрыты – но ему казалось, что они в любой миг могут открыться. Он озадачился – прошло восемь дней со дня смерти, пять из которых она пролежала в лесу. Однако никаких признаков смерти на ее лице видно не было. Она была такой же – свежей и юной, как там, в роше. Даже руки, лежащие поверх покрывала, были розовыми, чистыми, с аккуратно покрашенными ногтями.

Он подумал о том, что это результат действия электричества – может быть, оно повернуло ионы куда-то не туда, и остановило процессы распада. В этот момент ему показалось, что губы Юленьки слегка дрогнули, как будто в усмешке. Он стал смотреть еще внимательнее, уже не обращая внимания на разговоры и слезы вокруг. Да, она больше походила на живую, чем на мертвую. Она как будто спала. Странно, что никто вокруг не замечал этого.

Вполне вероятно, что она находится в каком-то странном летаргическом сне. Он читал про то, что сильный удар током может привести человека в необычное состояние. Тогда ее нельзя хоронить – она может проснуться на глубине, под землей, и умрет от страшного удушья.

Он подумал, что об этом нужно кому-нибудь сказать. Обвел глазами окружающих – все плакали, о чем-то шептались и не обращали на него, торчащего у самого гроба, никакого внимания.

В лице Юленьки снова что-то шевельнулось. Он услышал, что всех приглашают обойти вокруг гроба, попрощаться и выйти. Народ начал тесниться, мрачные мужики принесли крышку гроба и остановились в ожидании. Он все еще не двигался с места, не сводя с нее глаз.

Она была покрыта тонким шелковым покрывалом, закрывавшим ее почти до плеч. Покрывало плотно облегалo ее тело: ему казалось, что он видит даже выпирающие соски ее груди.

Его вдруг охватило совершенно неуместное для похорон возбуждение. Он вспомнил рошу, ее гостеприимные бедра, шелковую кожу груди. Кровь бросилась ему в лицо. Он не хотел, чтобы крышку гроба заколачивали – он хотел снова ее целовать, почувствовать вкус ее губ... Он не сводил глаз с ее плоского живота, обтянутого шелком – и вдруг едва не заорал от ужаса. Там, в ее животе, что-то явственно шевелилось, слегка приподнимая покрывало. Он пригляделся – да, это было именно в животе. За суестью этого никто не видел – как будто кто-то стучал изнутри маленьким кулачком...

Дохнув перегаром, рабочий отодвинул его в сторону и накрыл гроб крышкой. Женщины взвыли.

* * *

Я был уверен в том, что она жива. И не просто жива – в ней живет ребенок. Наш ребенок.

Я должен был ее спасти. Их обоих. Нас троих.

Я знал, что мне без нее не жить. Она являлась ко мне постоянно – не просто снилась. Юленька мерещилась мне в каждой проходящей мимо девушке. Она стояла перед глазами, стоило их закрыть. Она сидела передо мной на занятиях – и мне стоило большого труда не заговорить с ней. Потом наваждение пропадало, и я видел, что место рядом с Яной по-прежнему пустое.

Мама, кажется, заметила, что со мной творится что-то не то. Сначала она пыталась разговаривать на разные темы – как я понял, подозревая широкий диапазон типично материнских версий: от влюбленности до наркотиков. В первом она была права, но я не подавал виду и гадко хихикал в ответ на ее домыслы. Потом она отвела меня к врачу – какому-то придурковатому дедуле, который заглядывал мне в глаза, крутил пуговицу на моей рубашке и задавал идиотские вопросы. Впрочем, с мамой он тоже вел себя как идиот и тоже пытался что-то крутить у нее в районе живота. Толк, однако, от него был: кажется, он убедил маму в том, что у меня сложности юного возраста. До свадьбы пройдет.

Стоило мне лечь в кровать, как мне начинало казаться, что Юленька лежит рядом. Живая. Теплая. Нежная. В тот момент, когда я засыпал, я уже был уверен, что мне не кажется – я даже был озабочен тем, чтобы мама не вошла в самый важный момент. Юленька была не просто живой – она была моей женщиной. По ночам у нас происходило то, что до этого не могло мне и на ум придти: она оказалась страстной и изощренной развратницей. Я просыпался под утро в поту и сперме, с промокшей от слюны подушкой, с бедрами, исцарапанными ногтями... чьими?

И в этот момент ко мне приходило осознание того, что на самом деле она лежит, заваленная землей, в тесном гробу. Живая. Беременная. Голодная. Последний момент меня почему-то особенно нервировал.

Через три недели после похорон я решил пойти к ее могиле. Не знаю, почему я не сделал это раньше – вероятно, слишком тягостными стали для меня похороны. Могилка была усы-

пана живыми цветами – совсем свежими. Я цветы не принес – я пришел не на могилу, а к любимой. А ей цветы никогда не нравились.

Именно там, сидя на наскоро сколоченной скамеечке и глядя в ее улыбающиеся глаза на фото, я и сформировал свой план. План был хорош. В нем были только два сложных пункта. Мне мешала мама. И мне нужна была ее машина.

Фотографию с памятника я отодрал перочинным ножом.

В прошлом году мама как раз в июне уехала на море. Как я потом случайно выяснил, с дядей Сережей. Вернее, это я лет восемь назад называл его дядей – тогда он был другом отца и часто бывал у нас в доме. В тот раз мать предупредила меня за двое суток, оставила полный холодильник продуктов и исчезла на две недели.

Для нее и для меня было бы лучше повторить этот маневр. Но она, похоже, была в разладе не только с дядей Сережей, но и со своими официальным хахалем Вальдемаром, престарелым пузатым папиком, который не по годам называл меня «шкетом» и вкусно ароматизировал пространство коньяком. По ней это было сразу видно – она была нервной, рассеянной и постоянно красилась.

Да и к черту все. На подготовку к первому этапу плана ушла неделя – я исчертил тонну бумаги и обдумал все до мелочей. Технологию процесса я изучил еще лет пять назад по детективам – как будто чувствовал, что мне это потребуется.

Теперь все зависело от мамы. Обычно в таком настроении у нее просыпалась обостренная любовь ко мне, а потому можно было рассчитывать на успех. В четверг вечером, когда она в очередной раз красилась, я невинным голосом сказал:

– А поехали завтра на дачу?

Она чуть со стула не упала от удивления – и в лучшие-то времена меня было на дачу калачом не заманить.

– Чего это ты?

– Да скучно в городе. Побудем вдвоем, там хорошо, наверное...

Я выбрал верную интонацию. Мама считала себя деревенской по происхождению и любила помечтать о том, что мы когда-нибудь построим дом, поселимся в нем и будем разводить кур.

– А что, поехали. Отличная идея. Ты молодец у меня.

Рубикон был перейден. У меня разом исчезла предательская дрожь внутри – остался холодный расчет. Надо было не забыть напомнить маме заправить машину – чтобы потом лишней раз не светиться на заправке.

На даче и в самом деле было хорошо. Самое главное – там не ловил телефон. Мы приехали уже под вечер – я разжег печурку, мы поужинали и долго сидели, глядя на отсветы огня на стенах. Дело я отложил на завтра, но случай помог все ускорить.

– Выпью-ка я пива, – сказала мама. Обычно на ночь она не пила – боялась растолстеть. Но тут, наверное, на нее подействовала романтика вечера. Я сидел не шевелясь, боясь спугнуть удачу.

Она взяла бутылку, отхлебнула из горлышка, поморщилась от подступившей пены. Я молча встал, принес ей кружку.

– Спасибо, – сказала она, погладив меня по голове. – Ты стал совсем большой. Скоро уйдешь к какой-нибудь девочке, и останусь я одна...

Я кивнул. Мне нужно было, чтобы она вышла из комнаты. Хоть на минуту.

Наверное, она читала мои мысли.

– Эх, не досижу, – она встала, потерла нх живота, застенчиво хихикнула. – Темно там...

– Фонарик возьми, – сказал я.

– Ага.

Я прислушался к удаляющимся шагам. Быстро достал баночку от валидола, высыпал порошок в пиво, круговыми движениями размешал. Посмотрел на свет – порошок быстро растворялся. Дело было сделано. Почти.

Отключилась она почти сразу. Допила пиво, посмотрела вокруг рассеянным взглядом, встала, села на кровать и тут же упала на нее, закрыв глаза.

Я подождал для верности минут десять. В тишине громко тикал будильник. Потом задернул плотные шторы, проверил крючок на двери. Убедился в том, что ключи от машины лежат на столе. Потряс маму за плечо. Она мирно сопела.

Внутривенные уколы я никогда не ставил, но в кино про наркоманов видел, как это делается. В вену я попал с третьего раза. Руки тряслись, однако струйка крови в шприце подтвердила: есть. В вену медленно потек инсулин. Три ампулы я украл у одногруппника Вовки – его бабушка страдала одновременно склерозом и диабетом. Для того, чтобы вытащить из коробочки нужный мне препарат, мне хватило секунды.

Теперь, если верить писателям, нужно было подождать полчаса. Раньше мне было бы страшно. Но теперь я сидел и думал о том, что скоро буду вместе с Юленькой.

Я не сразу заметил, что мама перестала дышать. Ее лицо вытянулось, челюсть некрасиво отвисла. Теперь мне предстояло самое тяжелое.

От соседнего дома падал свет. Этого хватило, чтобы увидеть, куда втыкать лопату. Копать я стал на грядке – там была мягче земля. Под ногами путалась какая-то зелень – я безжалостно

крушил ее. Ниже пошла глина – копать стало тяжелее. Впрочем, мне не надо было делать большую яму – достаточно и полуметровой глубины.

Тело оказалось неожиданно тяжелым. Сначала я хотел унести ее на руках, но не прошел даже двух шагов. Тогда я положил ее на пол, схватил за ноги и потащил. На мою удачу, грядка была недалеко.

Сосед выключил свет как раз тогда, когда я заканчивал оформление грядки. Насыпал сверху какой-то травы, и участок обрел первозданный вид. Путь был свободен.

* * *

Он нечасто водил машину, тем более ночью. Поначалу она вихляла по дороге, но затем он привык и поехал более-менее прямо. Хуже всего было бы, если его остановила милиция. На этот случай на сидении рядом с ним лежал топорик.

Он поехал через аэропорт – так было ближе, чем через центр, и меньше вероятности попасться. Конечно, на перекрестке в аэропорту обязательно дежурит патруль – но он ловит в основном приезжающих и отъезжающих.

Все обошлось благополучно: патрульный рассеянно посмотрел сквозь него и отвернулся. В городе ехать было легче – светло, мало машин, нет пешеходов. Он проехал окольной улицей и быстро добрался до кладбища. Уже подруливая к нему, он подумал, что маму можно было бы закопать в Юленькину могилу. Тогда ее точно никогда бы не нашли.

На этом кладбище уже давно не хоронили – но, как говорили, еще бабушка Юленьки откупила здесь место на всю семью. С запасом. Поэтому Юленьку похоронили именно тут – в черте города, а не на каких-то выселках. Сама бабушка была жива – он видел ее на похоронах. Она улыбалась и молчала – ему показалось, что она вообще не понимает, что происходит.

Заброшенность кладбища была ему на руку. Он подъехал к забору, дыру в котором приметил заранее. До сторожки было далеко, гопников тоже в такое время не должно было быть. Он вытащил взятую на даче лопату и отправился искать могилу.

Земля была еще рыхлой, и потому копалась легко. Он аккуратно сложил в сторону цветы и венки – могилу надо было потом закопать так, чтобы было незаметно. Стальной памятник он не смог поднять и просто оттащил в сторону. Его разобрал смех, когда он представил, как родственники Юленьки придут поплакать на ее могилку, а она в это время будет гулять с ним. Гулять...? он задумался, потом махнул рукой и продолжил копать.

Он быстро взмок и разделся до трусов. В яме было холодно, но от непривычных физических усилий пот катил градом. Когда лопата стукнула о дерево, он был уже совсем вымотан.

В слабом свете луны бордовый бархат гроба выглядел черным. Ему пришлось потрудиться еще час, расширяя могилу – иначе крышку было не поднять. Противнее всего было выкидывать землю вверх – она осыпалась ему на голову.

Наконец крышка гроба была освобождена. Он попробовал ее приподнять и вдруг вспомнил, как рабочие под вой родственников и девчонок из фазанки забивали ее большими гвоздями. Надо было забрать с дачи гвоздодер – это ему не пришло в голову.

Пришлось вылезать из ямы и возвращаться в машину за топориком. С крышкой он провозился едва ли не больше, чем с рытьем. Хуже всего было то, что приходилось по этой же крышке топтаться и поднимать себя вместе с ней. Наконец она подалась и с треском отошла от гроба. Он расширил щель, потом, раскорячившись, со всей силы потянул на себя. Гвозди начали со скрипом вылезать из досок гроба.

Он с трудом поставил крышку на торец, потом, напрягая все мышцы, вытолкнул ее из ямы. Замер в ожидании, что она свалится ему на голову – вокруг могилы возвышался бруствер выкопанной земли, а крышка была тяжелой. Тишина. Он зажмурился – ему вдруг стало жутко смотреть вниз. Потом он медленно открыл глаза, глядя себе под ноги.

Юленька была все так же красива, как и в жизни. Он опустился на колени, чувствуя, как доски гроба ребрами врезаются в кожу. Прикоснулся руками к ее лицу. Ему показалось, что она шевельнулась.

Он откинул покрывало. Безупречную фигуру обтягивало красивое, как будто свадебное, платье. Он провел рукой по ее животу – в ответ изнутри живота что-то стукнуло. Что-то живое.

– Это наш ребенок? – шепотом спросил он ее. Она чуть заметно кивнула.

– Ты его любишь?

Она снова кивнула.

– А меня?

Ее губы дрогнули, как будто в усмешке. У него в груди как будто что-то оборвалось.

– Но это же наш ребенок... наш.

Она опять кивнула.

– Значит, мы вместе.

Она кивнула.

– Мы поедem ко мне. Будем вместе жить.

Ее брови недоверчиво поднялись. Он на минуту задумался, почему она на него не смотрит, а лежит с закрытыми глазами. Потом решил, что это было бы слишком страшно.

– Да. Мама... уехала. Надолго. Навсегда. Квартира наша.

Ее лицо расплылось в радостной улыбке... вернее, сначала ему показалось, что улыбка злорадная.

– Я тебя люблю, Юля.

Он всматривался в черты ее лица, и его охватывало все большее возбуждение. Луна все еще освещала часть могилы. Восток начал светлеть.

– Можно? – робко спросил он. Она чуть заметно пожала плечами. Он откинул покрывало в сторону. Задрал подол ее платья, потом подумал, что слишком торопится. Ногам было неудобно – он согнул ее ноги в коленях и опустился между ними, прямо на дно гроба. Ему не терпелось – однако он медленно гладил ее по груди, по бедрам, ощущая нежную кожу. Наконец он не выдержал, расстегнул штаны и ворвался в ее плоть – такую неизвестную и такую родную.

Все его сны сразу показались ему ничтожными по сравнению с тем блаженством, которое он ощутил в этот миг. Он прильнул всем телом к ее телу, ее бедра плотно обхватили его. Он почувствовал, что с каждым его движением она подается ему навстречу, сливаясь с ним в одно целое. Он впился губами в ее губы, чувствуя их горячую упругость... Горячую? Однако ему было уже не до таких мелочей. Невероятной силы удовольствие уже подкатывало к его бедрам, что-то в районе спинного мозга начало судорожно сокращаться... его движения стали резкими и быстрыми.

Он громко застонал, чувствуя, что сейчас окончательно сольется с ней.

– Юленька...

Вверху раздался какой-то шорох. Затуманенный мозг дал запоздалую подсказку – он дернулся, но в этот миг ураган наслаждения фонтаном забил из него. Он истошно заорал, извиваясь на распластанном теле Юленьки. Удар по затылку буквально взорвал его мозг, вызвав еще один, короткий взрыв блаженства. И все померкло.

* * *

Сторож Тоша-Фабрика, еле передвигаясь с страшного будуна, выполз из сторожки чуть свет. Вчерашняя бормотуха оказала чрезмерное воздействие на его организм.

– Старость, – вяло подумал он, наблюдая за неуверенной струйкой мочи, выливающейся на могильную плиту. – Вискарика бы сейчас двести...

Еще лет пять назад преуспевающий адвокат Антоша действительно не пил ничего, кроме виски. Сейчас он даже с трудом вспоминал свою фамилию – в основном когда приходилось расписываться в зарплатной ведомости. Остальное время он влачил жалкое существование кладбищенского сторожа. Его более преуспевающие собутыльники разобрали действующие кладбища и даже увеличили свои состояния. Ему же досталось практически закрытое – и с каждым месяцем поток желающих оставить недопитую бутылочку и недоеденный пирожок на могиле становился все меньше.

Внезапно его осенило. Больше месяца назад около дыры в заборе хоронили какую-то малявку. Тогда у могилы оставили бутылок пять водки – он вылакал ее всю и думал, что реально сдохнет. Где-то сейчас должны были быть сороковины – а значит, вполне возможно,

что ему повезет. Правда, вчера было тихо, то есть приехать могут сегодня – но вряд ли ему откажут в рюмке-другой, если он появится у могилы прямо при родственниках.

Он побрел привычными дорожками, на ходу здороваясь со знакомыми. Кого-то он знал еще при жизни – в основном бандитов, погребенных на центральной аллее, чтобы далеко не ходить. С остальными познакомился уже после их смерти. С некоторыми он даже вел вечерами умные разговоры, пока из могил не начинали лезть черти.

Еще издалека он увидел какой-то непорядок. Цветы вокруг могилы были разбросаны, земля разрыта. Он остановился в нерешительности. Это могли быть черные копатели, которые доставали из могил кольца и другие украшения. На такое не шел даже он – больше из страха быть пойманным. Могли покопаться собаки. Могло... он больше не знал, что могло.

Постоял, прислушался, с трудом преодолевая вчерашний хмель и гудение в голове. Тишина. Он осторожно подошел поближе. Могила была разрыта на совесть – памятник аккуратно отставлен в изголовье, цветы и венки сложены в кучку, земля выкинута вся. Он наклонился через бруствер и вздрогнул.

Омерзительного вида полуразложившийся женский труп был буквально втиснут в бархат гроба телом какого-то раздетого парня. На ногах девушки, согнутых в коленях, мягкие ткани отстали, и были видны белые кости. В могиле вертикально торчала крышка гроба – другим концом она упиралась в затылок парня. Из зияющей раны торчали обломки черепа, густо перемазанные серым мозгом и кровью. Пальцы молодого человека судорожно сжимали белый шелк платья в том месте, где у девушки когда-то была грудь. Белый зад парня чудовищно диссонировал со всей картиной.

Тоша-Фабрика попятился, оскальзываясь на глине. Ему показалось, что в могиле кто-то шевелится. Пошатнувшись, он оперся рукой о выкопанную глину, и увидел лицо девушки. В отличие от всего тела, оно не выглядело разложившимся – скорее наоборот, сияло чистотой и юностью.

– О боже, – прошептал сторож. Он попытался подняться, но ноги проскальзывали по глине. В лице девушки было что-то такое, что заставляло его смотреть и смотреть на нее. Он понял, что сейчас она откроет глаза, и тогда он умрет от ужаса...

Он вскочил на четвереньки и, подвывая, помчался прочь, ломая ветки. Вслед ему шелестели какие-то странные, ласковые слова. Он, с рождения наделенный обостренным чутьем к опасности, твердо знал, что не проживет дольше завтрашнего утра...

Венчание

Романтичная история

Поезд лязгнул, засвистел, закричал всеми своими стальными суставами, несколько раз содрогнулся в конвульсиях и, наконец, окончательно остановился. Александр посмотрел в окно купе – совсем рядом с поездом неспешно текла широкая река, на другом берегу которой золотились маковки церквей.

Его зоркий взгляд морского офицера разглядел вдалеке многочисленных извозчиков, столпившихся перед понтонным мостом. Там, на спуске с берега, явственно происходило что-то из ряда вон выходящее – но человеческая суета не давала разглядеть, в чем дело.

– Иркутск, господа! – басом взревел кондуктор. – Кому до Иркутска – прошу на выход!

Александр снял с полки обтянутый парусиной чемоданчик, церемонно раскланялся с попутчиками – немолодой семейной парой, надел фуражку и вышел. Снаружи сразу стало прохладнее – уже начиная с Новониколаевска всех обитателей поезда мучила летняя сибирская жара, от которой не спасали даже распахнутые окна.

До приезда Софьи и незамедлительной свадьбы оставалось два дня. За это время нужно было многое успеть – как по делам службы, так и по личным. Времени было в обрез – через три дня после свадьбы он должен был выехать на фронт.

К его удивлению, ни одной свободной двуколки не было – город стал намного оживленнее, чем в его первый приезд, и пассажиры порасторопнее уже разобрали всех извозчиков. Кстати вспомнив затор на мосту, который он видел в окно, Александр махнул рукой на сомнительные удобства и пошел пешком.

Мост, действительно, был запружен повозками. Он миновал пассажиров, успевших сесть на извозчика и теперь маявшихся от безделья, и подошел к месту событий. Так и есть – у двуколки сломалась ось, лошади запутались в постромках. Какой-то недотепа на телеге, грузеной кулями с мукой, залез вперед всех и загородил дорогу, а его коллеги подперли его сзади. В воздухе висела ругань, явно не предназначенная для ушей молодой женщины, стоявшей рядом с двуколкой и растерянно смотревшей на безуспешные попытки извозчика как-то исправить ситуацию.

Александр хотел уже вмешаться, чтобы как минимум увести отсюда даму, но его опередили. Какой-то лейтенант в белоснежном парадном мундире рывкнул на неторопливо приближавшегося городского, отчего тот мгновенно подобрался и почти бегом подбежал к месту затора. Еще несколько коротких команд – и забежали уже возчики, которые начали с заметным старанием и успехом растаскивать свои телеги. Сам лейтенант предложил девушке руку, подхватил ее объемистый чемодан и пешком направился в сторону вокзала.

Александр чертыхнулся – он почему-то был уверен, что девушка едет в город. Хорошо бы он выглядел, если бы опередил лейтенанта и потащил ее за собой... Кстати, лицо лейтенанта

показалось ему смутно знакомым – вполне возможно, что он видел его в Корпусе или где-то встречал на службе.

Выкинув из головы посторонние мысли, он легко взбежал на берег и направился к гостинице. Сам он вполне мог бы снять комнатку, которые во множестве сдавались в двухэтажных домишках на набережной, однако поселить невесту правила предписывали в самом роскошном номере лучшей гостиницы. Предстоящее венчание и неизбежные последующие процедуры приятно щекотали ему нервы и будоражили воображение.

От берега до гостиницы было недалеко. Он быстрым шагом прошел по набережной до дома генерал-губернатора, то и дело отдавая честь встречным офицерам – шла война, и город стал главной перевалочной базой для войск, отправляющихся на восток. Центральная улица была запружена народом – в прошлый раз она была почти пуста, и он даже испугался, что гостиница может быть занята. Конечно, у него был запасной вариант в лице двоюродного дяди-купца, давно поселившегося в сибирской глуши и торговавшего мехами – но он не выносил торговых людей, а еще более не любил своих кузин, существ глупых и смешливых. Величественная и молчаливая Софья создавала такой разительный контраст с ними, что он не хотел портить впечатление от предстоящего свидания с ней.

Они не виделись почти два года. Поклявшись друг другу в вечной любви и едва заметно прикоснувшись губами к губам, они расстались в Петербурге – он уехал на север, она же отправилась сначала к тетке в Курляндию поправлять здоровье, а затем на воды в Турцию. Они регулярно переписывались – в уголке его чемоданчика лежала пачка ее писем, пахнущих духами и легкомысленно перевязанных розовой ленточкой.

Свадьба должна была состояться в Петербурге после его возвращения с севера – но случилась война, и уже в дороге, в Екатеринбурге, его догнал приказ ехать в Порт-Артур. Пришлось отбивать телеграмму Софье о крушении всех матримониальных планов – однако в ответной телеграмме она сообщила, что сама немедленно выезжает в Иркутск. Он не мог не признаться себе, что его обрадовала эта непривычная для холодной Софьи горячность – в последнее время письма ее стали редкими и гораздо менее эмоциональными, чем раньше, и он даже стал подозревать, что она охладела к нему.

Для раскрепощенной атмосферы Петербурга с его вечными балами и блистающими офицерами такое поведение было нередким – к тому же предстоящий брак Софьи с ним, чрезмерно задержавшимся в штабс-капитанах, вызывал различные толки. Однако ему всегда казалось, что Софья не обращала на эти условности никакого внимания – в отличие от ее мамы, человека язвительного, нервного и прямого. Впрочем, он не уставал себе повторять, что женится отнюдь не на мамаше. К счастью.

Его беспокойство было напрасным – целый ряд превосходных номеров в Гранд-Отеле был совершенно свободен, и у него даже был некоторый выбор. Они поднялись вместе с молодым человеком на второй этаж, посмотрели несколько комнат – все они выходили в тихий, узкий, почти питерский двор, чем весьма понравились Александру. Он остановил свой выбор на двухкомнатном номере, с ванной и широкой кроватью под балдахином, в восточном стиле. При взгляде на кровать у него опять стало холодно спине и приятно внутри. Софья была красива и юна, и во время службы на севере постоянно являлась ему во сне в различных соблазнительных видах.

Оставшаяся часть дня прошла в служебных заботах. Он явился в штаб, где в очередной раз подивился бестолковости организации армии, и убил впустую массу времени. Затем заглянул в отделение географического общества, и снова столкнулся все с тем же лейтенантом в белоснежной форме. Лейтенант дружески и даже непринужденно беседовал с самим Аспелиным, чем несказанно удивил Александра. Удивление, впрочем, вскоре забылось – Аспелин увлек лейтенанта в библиотеку, а он сам принялся обсуждать идущую войну с двумя знакомцами, и бурная беседа продлилась до вечера, закончившись в ресторане.

Ночь он спал плохо. В номере было душно, выпитая вечером водка пересушила горло, в коридоре кто-то ходил и вел занудные беседы. Слов было не разобрать, однако бормотание мешало заснуть. Наконец, чертыхнувшись, Александр встал, накинул китель и выглянул. Бубнеж сразу прекратился. В коридоре было пусто. Он еще раз чертыхнулся, налил из графина воды и залпом выпил.

Спускаясь утром по лестнице гостиницы и страдая от разбитости и головной боли, он в очередной раз встретился с лейтенантом. На этот раз они отдали друг другу честь – хотя, как ему показалось, лейтенант на него даже не взглянул, будучи озабочен какими-то проблемами. Ему оставался один визит в церковь, обязательное посещение дядюшки и, уже вечером – встреча Софьи на вокзале.

В церкви все сложилось сразу. Молодой священник удовлетворенно покивал, услышав причины спешки, и без возражений согласился обвенчать их в любое удобное время: по причине лета и жары страждущих сойтись было немного.

Уже выходя из церкви, Александр краем глаза заметил некую странность в поведении священника, однако особо вдаваться в это не стал – священник долго крестил воздух ему вслед, после чего встал на колени и стал горячо молиться. Немного поразмыслив, Александр отнес это к самому факту женитьбы, которое, вероятно, явилось неким соблазном для попа.

Визит к дяде, который занимал со своим семейством большой дом на Луговой улице, оказался не так уж плох, как думалось сначала. Кузины вместе с мамашей, как выяснилось, уехали на дачу, кухарка напекла гору блинов, а дядюшка принялся потчевать Александра смородиновой наливкой собственного приготовления. Так что вскоре они уже вовсю спорили о внешней политике на Дальнем Востоке и поднимали стопки за здоровье государя императора.

От дядюшки Александр вышел весьма навеселе, трезво при этом рассудив, однако, что до приезда Софьи еще порядком времени, и хмель успеет выветриться. На этот раз он был умнее и взял двуколку сразу, договорившись с кучером, что тот дождетя прихода поезда и получит за все тройную оплату. На реке был ветер, волны захлестывали на понтонный мост, отчего тот раскачивался – Александр подумал, что Софье будет страшно ехать в город. Хотя, если ей было не страшно ехать из Турции в Сибирь...

Волнуясь, он ходил по перрону – поезд опаздывал. Как ему сказал кассир на вокзале, военные поезда пропускают вне очереди, из-за чего не хватает паровозов, а потому пассажирский поезд может опоздать даже на сутки – такое бывало.

По счастью, это мрачное пророчество не сбылось – вскоре со стороны Иннокентьевской стал заметен столб дыма, и поезд начал медленно втягиваться на станцию. Именно в этот

момент Александра осенило, что до завтрашнего бракосочетания Софья должна жить в отдельном номере, о чем он совершенно не позаботился...

Софья, к его удивлению и разочарованию, приехала не одна. Ее сопровождала мамаша – как позднее рассудил Александр, девушке действительно неприлично было бы выходить замуж без старших родственников. Именно из-за мамаша встреча оказалась нелепой и скомканной – они хотели броситься друг другу в объятия, но им пришлось обойтись скромным рукопожатием и книксеном со стороны Софьи.

В двуколке они, естественно, тоже не поместились, Александру пришлось сесть рядом с кучером, и им даже не удалось поговорить. Помогая дамам сойти с двуколки, он заметил, насколько скептическим взглядом мамаша оглядела фасад трехэтажной гостиницы – по сравнению с Петербургом, конечно, в Иркутске все выглядело более чем скромно.

Ему повезло – уже знакомый ему молодой человек за стойкой оценил ситуацию сразу, и без объяснений отвел дам в соседний с ним номер. Растроганный его расторопностью, Александр дал ему полтинник на чай и попросил быть поделикатнее с мамашей – он представлял, какой скандал та могла закатить всему персоналу гостиницы, если бы ей чем-нибудь не угодили.

Еще утром он мечтал, как прогуляется с Софьей вечером по Большой, подарит ей букет цветов и расскажет ей о двух годах, проведенных без нее. Теперь все мечты пошли прахом. Дамы до вечера не выходили из номера, видимо, приводя себя в порядок, и только после этого разрешили отвести себя в ресторан. Когда Александр увидел Софью, выходящую из номера, он ахнул – такой красивой он ее еще не видел. Она сменила скромную дорожную одежду на роскошное черное платье. На шее сверкало чудесное бриллиантовое кольцо. Выглядела она в таком наряде несколько мрачновато, но крайне эффектно – Александр, войдя в ресторан, заметил, какими взглядами провожают их и мужчины, и женщины.

За ужином он, наконец, сбросил напряжение, владевшее им все эти дни, и разговорился. Заметно оживилась и Софья – было заметно, что она устала с дороги, под ее глазами залегли тени, как будто она долго плакала. Мать не мешала им разговаривать, лишь изредка вставляя едкие, но вполне дружелюбные замечания. К своему удивлению, Александр, собиравшийся рассказать Софье в красках о своих приключениях на севере, вдруг осознал, что почти ничего не помнит о них. В воспоминаниях остался лишь долгий и выматывающий путь до Дудинки, все остальное скрылось в каком-то неясном тумане. Впрочем, как он понял, Софью это не особо и интересовало – она с восторгом рассказывала о путешествии в Турцию и обстановке в Петербурге.

Александр слушал ее вполуха, то и дело ловя себя на том, что Софья сильно изменилась с момента их расставания. Он помнил ее очень серьезной девушкой, рассуждавшей о декадентстве и импрессионизме, и никогда не замечал за ней страсти к веселой светской жизни, которая вдруг начала проявляться сейчас. Никаких выводов он, однако, делать не стал, оправдывая такое поведение дальней дорогой и усталостью.

Действительно, вскоре Софья стала клевать носом, и ее мать решительно распрощалась с ним до утра. Александр проводил их до дверей номера, пожелал покойной ночи, после чего в нерешительности остался стоять посреди коридора.

В добрые старые времена он, не задумываясь, отправился бы в офицерское собрание или ресторан пошумнее и повеселее. Однако завтрашняя церемония требовала некоторой собранности и пристойного вида, а потому он спросил чаю и вернулся в номер.

Расплывчатость воспоминаний о прошедших двух годах немало его встревожило. У доктора он был последний раз перед выпуском из Морского корпуса, и с тех пор ни разу не жаловался на здоровье. Правда, ему случалось иногда перебраться в офицерской компании, отчего наутро было плохо с памятью, но такого серьезного провала не было никогда.

Стоя у окна, он смотрел, как внизу, в узком колодце двора, разгружают телегу, прихлебывал чай и вспоминал, как впервые познакомился с Софьей. Было это на последнем курсе обучения в Морском корпусе – она сразу захватила все его мысли и как-то очень быстро стала весьма дружна с ним. Буквально перед отъездом на Карское море он сорвал с ее уст поцелуй и клятву стать его женой – после чего ему оставались только мечты и редкие, за дальностью расстояния, письма.

Тут он опять попытался вспомнить свои приключения на севере – он знал, что их было много, но подробности подернулись какой-то дымкой и ничем не отличались от прочитанных в детстве приключенческих новелл.

Он незаметно задремал в кресле и очнулся от громкого женского хохота в коридоре. На миг ему почудился голос Софьи – ей вторил какой-то низкий, неприятный мужской голос. Александр подошел к двери, прислушался – за дверью ходили и разговаривали двое, мужчина и женщина. Женщина была весела, но слов было не разобрать. Александр был почти совершенно уверен в том, что это Софья – но с кем она могла разговаривать в такое позднее время?

Он взглянул на часы, висящие на стене. Судя по всему, они стояли – стрелки показывали ровно два часа, хотя ему казалось, что они шли еще вечером. «Половой забыл гири подтянуть», – подумал он и посмотрел за окно. Полная луна светила прямо в окно – судя по ее положению на небе, было за полночь. Александр вздохнул и решительно распахнул дверь.

Звонкий смех девушки растаял в конце коридора. Александр успел увидеть край платья, скрывающийся в проеме двери. Дверь скрипнула и закрылась.

Теперь он не был уверен, что это именно Софья – вечером она была в другом платье, а ее гардеробы он не успел даже увидеть. Но больше он не замечал никаких женщин на этом этаже, да и голос был чрезвычайно похож на ее.

Мучимый сомнениями, он подошел к двери, за которой скрылась девушка. Прислушался, краснея от стыда – его вполне могли увидеть, и его поза не вызвала никаких сомнений в том, что он подслушивал. Он не был ревнив, но его терзали подозрения – Софья была слишком странной в прошедший вечер...

Он осторожно стукнул в дверь, подумав про себя: «Черт с ним, скажу, что номером ошибся, если что». Было тихо. Он толкнул дверь – она открылась, заскрипев на весь коридор.

– Разрешите? – спросил Александр, перешагивая порог. Теперь его легенда об ошибке оказывалась совершенно несостоятельной, но отступать было поздно. Он вошел в номер, освещенный несколькими свечами, прикрыл дверь и замер.

Посреди комнаты стояла огромная кровать. На ней полулежал тот самый лейтенант, которого он постоянно встречал то там, то тут. Его глаза были закрыты, воротник парадного кителя расстегнут. Рядом с ним сидела девушка и гладила его по волосам, что-то тихо шепча. Девушка сидела спиной к Александру, но он уже не сомневался, что это Софья – ее выдавала прическа, поворот головы, непривычные для смолянки ссутуленные плечи – результат тяжелой болезни в детстве. Он почувствовал, как кровь бросилась ему в голову – он хлопнул себя по бедру в поисках револьвера. Револьвер остался в номере.

Девушка обернулась, слегка прищурилась, вглядываясь в полумрак:

– Кто тут?

Он остановился. Это была не Софья. Вернее, это была, вероятно, все-таки Софья – однако он ее с большим трудом узнал. У нее были другие глаза, другое лицо, она как будто повзрослела на десяток лет. Это была не та девочка, с которой он расстался несколько часов назад, а взрослая, уверенная в себе молодая женщина.

– Софья? – произнес он.

– Кто здесь? – с испугом повторила она. Лейтенант приподнялся, затем встал с кровати. Глядя в упор на Александра, он приблизился и поднял руку – Александр не успел ничего понять...

Очнулся он от головной боли и каких-то муторных сновидений. Открыл глаза, минут пять рассматривал странные рисунки-трещины на потолке. Потом поднял голову.

Он лежал на кровати в своем номере. Сапоги давили ноги, от кителя было жарко. Он вскочил, посмотрел на часы – они шли и показывали семь утра.

– Что за чертовщина, – сказал он. Умывальник был полон холодной воды – Александр разделся, с наслаждением умылся и почувствовал себя намного бодрее.

– Приснится же такое, – пробормотал он, выходя в коридор. Подошел к двери Софьи – оттуда слышались голоса. Он кивнул, затем осторожно посмотрел на ту дверь, которая ему снилась вчера. Дверь была на месте. Он подошел к ней, прислушался. Осторожно толкнул – заперто.

– Господин штабс-капитан, там никого нет, – раздался голос полового, тихо подошедшего сзади.

– Никто не живет?

– Нет. Там вообще никто не живет. Никогда.

– Почему?

– Там... господин офицер, спросите лучше у хозяина.

– Ну хорошо.

Он попробовал сунуться к Софье – его невежливо выставили, сообщив, что за полчаса до венчания было бы неплохо подать лошадей. Времени еще было много – он вышел на улицу, с удовольствием вдохнул свежий утренний воздух и отправился договариваться о ресторане на вечер.

Событие в масштабах города было не бог весть каким, но как минимум десяток офицеров с женами он ждал на празднование своей свадьбы, а потому ресторан был важным ее элементом. С ресторатором он уже поговорил заранее – теперь оставалось лишь подтвердить заказ и уточнить примерное число гостей.

После общения с заспанным ресторатором он выбрал на базаре две брички и дал кучерам целковый – в задаток и украсить коней лентами. Времени оставалось достаточно, и он вернулся в гостиницу.

Ночной кошмар не шел у него из головы – немного поразмыслив, Александр все-таки постучался в кабинет хозяина гостиницы, грузного кахетинца, с которым они перемолвились буквально парой слов в первый день. Хозяин был на месте – при виде Александра он встал, протянул ему обе руки и жестом пригласил садиться.

– У вас сегодня венчание? – спросил он. Александр кивнул.

– Я видел вашу невесту. Она красавица. Поздравляю вас...

Александр удивился – где хозяин мог видеть Софью? Он сам практически не отходил от нее весь вечер.

– Вино? Чай?

– Нет, благодарю вас. Я хотел задать вопрос...

– Восемнадцатая комната? Мне передал половой, что вы интересовались...

– Да. Я...

– Наверняка наслышаны?

Александр понятия не имел, о чем говорит кахетинец, но на всякий случай кивнул.

– Да, это была загадочная история... Поднимемся?

– Да, давайте поднимемся.

Они поднялись на второй этаж. Стоило им поравняться с комнатой Софьи, как та вышла им навстречу. Александр отметил какой-то нездоровый румянец на щеках, резко контрастировавший с белизной ее лба.

– Александр?

– Доброе утро, дорогая.

– Вы куда?

– Я...

– Я с вами, – Софья закрыла за собой дверь и двинулась с ними. Александра удивила решимость, с которой она это сказала. Кахетинец уже стоял у дверей загадочной комнаты.

Щелкнул ключ, хозяин шагнул внутрь. Александр пропустил Софью вперед и непроизвольно отметил, что вчерашняя девушка была в точно таком же платье, которое сейчас было надето на его невесте. Он почувствовал странное ощущение раздвоенности сознания – как будто он одновременно входил в комнату сейчас, днем, и тогда, ночью...

Он даже не удивился, увидев посреди комнаты все ту же широкую кровать – на том же самом месте. В комнате явственно давно никто не жил – все предметы покрывал тонкий слой пыли. На стене висели часы – при взгляде на них Александр вздрогнул. Стрелки показывали ровно два часа.

– Вот здесь все и произошло, – сказал хозяин.

– Что произошло? – переспросил Александр.

– Как, вы не читали? Это печатали во всех газетах, даже в Москве. Страшная история.

Александр посмотрел на хозяина, покачал головой, потом перевел взгляд на Софью. Она стояла, смертельно бледная, и не сводила взгляд с кровати.

– Софья, вам плохо? – спросил он.

– Нет. Это так... душно.

– Может, вас проводить?

– Нет, нет. Все в порядке.

– Это было два года назад. В нашей гостинице остановился молодой офицер, – начал с видимым удовольствием и явно не в первый раз рассказывать кахетинец. – Он ехал с молодой женой к месту службы, на океан. Они остановились на три дня в Иркутске, так как невеста сказала, что плохо себя чувствует. И совершенно случайно здесь же, в этой гостинице, оказался... как бы это приличнее выразиться... старый знакомый невесты, тоже офицер. Я уж не знаю, была ли у них старая любовь, или что-то вспыхнуло внезапно – но в одну из ночей офицер, проснувшись, увидел, что жены нет. Встревоженный, он вышел в коридор и увидел, как она заходит в чужой номер. Офицер встревожился, вернулся за револьвером, после чего ворвался в номер и увидел жену в объятиях другого...

Александр содрогнулся, вспомнив свое ночное видение. Он поставил себя на место обманутого мужа – ситуация, действительно, была неприятной до крайности.

– И что дальше? – спросила Софья

– Он застрелил их обоих. Вот так, из револьвера: бах, бах! А потом застрелился сам. Вот на том самом месте, где мы с вами стоим.

– Какой ужас, – сказала Софья.

– Да. За мной прибежал половой, я пришел – везде кровь, потом прибыли полицейские, другие офицеры... что было... И с тех пор в этом номере никто не хочет жить. Считается дурной приметой.

– Терпите убытки? – сказал Александр.

– Нет. Всем интересно поселиться в гостинице, где произошла такая история. А сюда приходят посмотреть... Особенно молодым людям интересно, они любят сюда невест приводить...

– Хм, – Александр смущенно кашлянул. – Спасибо за рассказ.

Он взял Софью за руку – она была явно расстроена ужасной историей, и Александр еще раз пожалел, что привел ее сюда.

– Идем, дорогая, нам пора.

– Да, – скала Софья.

Было очевидно, что рассказ произвел на нее тяжелое впечатление – несмотря на солнечный день, она была бледна и печальна всю дорогу до церкви, и только там оживилась. На церемонию пришло много народу – офицеры венчались не каждый день, поэтому, кроме десятка малознакомых офицеров, в церкви столпилась куча зевак. Александр надел кольцо на палец Софье, и в этот момент его внимание привлек чей-то пронзительный взгляд. Он поднял голову – на него в упор смотрел тот самый лейтенант...

– Александр, – услышал он тихий голос Софьи. Он стряхнул наваждение и понял, что уже несколько минут стоит недвижимо, глядя в одну точку. Лейтенант исчез.

– Да-да, – невпопад ответил он, продолжая озираясь в поисках лейтенанта, однако, вместо этого встретился взглядом с матерью Софьи – уже несколько секунд как собственной тещей. Увидев ее пылающие негодованием глаза, он, наконец, пришел в себя и обратил внимание на жену. Она искала его руку, чтобы надеть кольцо...

После венчания они отправились кататься, оставив мать Софьи у дядюшки Александра. Как оказалось, они были знакомы еще по Петербургу, и дядюшка категорически отказался отпускать ее с ними. В результате, не считая молодого возницы, они оказались наедине.

Александр приказал кучеру ехать не спеша вдоль Ангары. Софья была весела и рассказывала ему о Турции, об интересных обычаях и странных отношениях турок с женщинами. Александр слышал все это еще во время учебы в корпусе – впрочем, ему все равно было любо-

пытно слушать иногда наивные, но экспрессивные суждения жены. Прервав ее на полуслове, он неожиданно для себя прильнул к ее губам и почувствовал, как она сначала вздрогнула, а затем, как будто опомнившись, робко ему ответила.

По счастью, возница не оборачивался, несмотря на то, что беседа теперь то и дело прерывалась на более романтическое занятие. Сам Александр больше молчал и слушал, чем рассказывал – странная амнезия так и не оставляла его, чем доставляла немалое раздражение.

Проезжая мимо Знаменского монастыря, Александр попросил возницу остановиться и подождать. Он много слышал об этом месте, но в прошлый приезд ему так и не удалось здесь побывать. У ворот толпились богомолки, приехавшие, видимо, из окрестных деревень. Они бормотали молитвы, которые сливались в гудение, как будто пчелиный улей вылетел в лес.

Увидев офицера с дамой, монашка, следившая за порядком и поодиночке пропускавшая богомолку внутрь, прикрикнула на них. Богомолки замолчали, воззрились на Александра и Софью и расступились. Александр взял Софью под руку, прошел через узкую калитку.

Софья сказала, что ей неинтересно рассматривать могилы, и прошла в храм. Александр удивился, но промолчал. Ему хотелось увидеть могилу великого Шелихова, которого он почитал одним из самых значимых исследователей в России.

Не торопясь он прошел между могил, удивившись той тишине, которая царила внутри монастырских стен. Совсем недалеко был большой город, ругались возчики при спуске на понтонный мост, а здесь было тихо, как тихо бывает в лесу между порывами ветра, когда даже птицы затихают в предчувствии нового шквала.

Могила Шелихова была скромна, но величественна. Александр обошел ее кругом, прочел все надписи и замер, размышляя. Где-то рядом, за стеной храма, была Софья – ему казалось, что он чувствует, как она приближается к иконе Богородицы, становится на колени и молится за здоровье...

За спиной хрустнула ветка. Александр обернулся, надеясь увидеть Софью – но увидел все того же лейтенанта, который не торопясь приближался к могиле великого мореплавателя, рассматривая надписи. Александр вдруг понял, что знает его фамилию, хотя никогда ранее не встречался с ним... Лейтенант шел, как будто не замечая его – Александра так и подмывало подойти и спросить, не преследует ли тот его, но это было до крайности невежливо. Александр шагнул в сторону и, повернувшись спиной к лейтенанту, пошел к входу в храм.

Софья уже ждала его. Они вышли, и, не сговариваясь, пошли пешком. Погода была хороша, с Ангары веяло прохладой, а многочисленные мальчишки, удивившие рыбу с берега, наводили на мысли о будущем их семьи...

В ресторан они опоздали, и ворвались туда совершенно счастливые и смертельно голодные. Выпив по бокалу шампанского, они захмелели и стали еще веселее. Оба понимали, что одними поцелуями сегодня не обойдется – а то, что будет дальше, одними только намеками захватывало дух. Дядюшка привел каких-то знакомых купцов и заправлял всей вечеринкой. Офицеры, крепко выпив, говорили о войне, мать Софьи старалась одновременно быть рядом с ними и веселиться с купцами, какие-то малознакомые люди поздравляли Александра и целовали руку Софье...

В какой-то момент им обоим это все надоело, и они, кивнув друг другу, незаметно вышли на улицу. Гостиница была через дорогу – взявшись за руки и громко смеясь, они добежали до входа, где Александр подхватил Софью на руки и понес вверх по лестнице.

Кажется, он даже не выпустил ее из рук. Многочисленные вязочки и крючки, которые были вечной проблемой в развлечениях с легкодоступными чухонками, заполнявшими Кронштадт во время летних практик будущих офицеров, теперь как будто растворились в ласках и поцелуях. Тихий вскрик Софьи, ознаменовавший окончательный ее переход в статус супруги, прозвучал музыкой в его ушах. Она даже почти не плакала и почти не закрывалась одеялом, когда он, после всего свершившегося, любовался ее прекрасным телом.

Без одежды она была даже красивее, чем в платьях. Александр признался, что мода только портит необычные и прелестные пропорции тела Софьи – ей хорошо подошел бы спортивный стиль, который он видел у немногочисленных американок, шокировавших строгих петербургских дам.

Крепко обнявшись, они шептались о всякой чепухе – и через некоторое время он почувствовал, что природа требует повторения. Несмотря на легкое сопротивление жены, он снова принялся ее целовать и мучить своими ласками... В какой-то миг ему показалось, что сзади что-то скрипнуло – то ли дверь, то ли половица. Он вздрогнул, обернулся – в полумраке комнаты, освещенной только луной, никого не было видно. Он повернулся к Софье и вдруг понял, что она не дышит. Ее глаза были закрыты, губы плотно сжаты, как будто она сердилась, и до него не доносилось ни единого дуновения. Он приподнялся над ней, всмотрелся в лицо – ему показалось, что перед ним лежит совершенно чужая женщина.

«Что, если она умерла?» – подумал он, и почувствовал, как холодный пот стекает вдоль позвоночника. Скандал, позор, ненависть родственников – все это мгновенно пронеслось в его голове. «Какая чушь», – решил он и прильнул ухом к груди Софьи. Сердце билось – очень редко и чуть слышно. А может быть, ему показалось...

Он соскочил с кровати, заметался по комнате, не зная, что делать.

– Что с тобой? – раздался голос Софьи. Он подбежал к ней, встал перед ней на колени:

– Господи, что это было?

– Что?

– Ты.. не дышала.

– Да? Нет. Тебе показалось. Иди ко мне, я замерзла.

На этот раз она была покорной и даже страстной. Александр, забыв о только что пережитом страхе, с наслаждением отдался любви. Это было чертовски приятно – и самым приятным было то, что впереди у них еще три дня...

Он незаметно заснул, положив голову на плечо Софьи. Он был уверен, что проснулся бы при любом ее движении – однако, открыв глаза посреди ночи, увидел, что ее нет.

Он сел на кровати, оглядев комнату. На столе горела свеча, отбрасывая странные тени. Софьи нигде не было видно. Александр встал, заглянул в другую комнату, затем в ванную. Пусто. У него появилось странное ощущение, что Софьи здесь никогда и не было – он не увидел ни ее одежды, только что скинутой куда попало, ни изящных туфель, купленных специально к свадьбе, ни шляпки, брошенной им на стол как раз на то место, где сейчас потрескивала свеча...

Ему стало нехорошо. Он подошел к кровати, сорвал одеяло. Простыня была белоснежно чиста. Он сел, обхватил голову и принялся мучительно размышлять – снится ему это или он просто сошел с ума. И вдруг он услышал голос.

Это, безусловно, была Софья. Она смеялась точно так же, как вечером, когда они сбежали из ресторана. Она что-то с упоением рассказывала невидимому собеседнику, и с каждым ее словом ему становилось все холоднее. Он вспомнил рассказ, услышанный накануне, и, как сомнабула, начал искать револьвер. Револьвера не было.

Его офицерской формы вообще не было в номере. Было только исподнее, причем не то, чистое, в котором он приехал в Иркутск, а какое-то застиранное и дырявое. Он быстро оделся в то, что было, и босиком выскочил в коридор.

В коридоре было тихо. Две электрические лампочки слабо освещали ряд дверей. Александр стал красться, стараясь ступать как можно тише, и останавливался около каждой двери, вслушиваясь в звуки. И вдруг ему по ушам резанул смех...

Он подскочил к двери и с размаху распахнул ее. Дверь, однако, открылась очень мягко и тихо. Он вошел вперед и застыл на месте.

Обнаженная Софья лежала на спине, грудь ее вздымалась от частого дыхания, а губы произносили какие-то неслышимые слова. Над ней склонился мужчина – такой же обнаженный, мускулистый, с черной шевелюрой.

– Александр..., – произнесла Софья. Он вздрогнул – он был уверен, что она видит его и зовет на помощь. Он сделал шаг, другой, и его взгляд упал на белоснежную форму, небрежно брошенную на спинку стула. Португеза с кортиком лежала сверху.

Он выхватил кортик, подскочил к кровати. Мужчина, только что ласкавший его жену, вскочил на ноги, но даже не думал защищаться. Они выглядели странно – немолодой штабс-капитан в рваном исподнем и с кортиком в руках, и обнаженный юный лейтенант, спокойный, как сама смерть.

– Александр, что случилось? – раздался голос Софьи.

– Дорогая..., – начал он.

– Все в порядке, милая, – ответил лейтенант. Он не сводил взгляда с Александра, однако не делал никаких попыток защититься. Его спокойствие обезоруживало Александра – он не мог прирезать боевого офицера, как курицу.

– Ты... вы... моя жена..., – начал он.

– Моя жена, – язвительно, очень тихо, но очень отчетливо произнес лейтенант.

– Ваша?

– Александр... мне очень жаль вас... но...

– Жаль? Я вас вызываю. Дуэль Немедленно.

– Александр..., – он вдруг подошел к столу, открыл ящик и достал портфель, наподобие того, с каким любили ходить на службу офицеры Генштаба. Александр с интересом наблюдал за его действиями. Лейтенант достал какую-то папку, пролистал ее и положил на стол.

– Вот...

– Что это? – Александр подошел поближе и начал читать. В какой-то момент он поймал себя на мысли о том, что не должен видеть буквы – в комнате было слишком темно. Однако он отчетливо видел каждое слово.

«Трагическое событие в Карском море. Как сообщает наш корреспондент в Новониколаевске, смерть штабс-капитана Александра Вяземского произошла вследствие... несчастные родители... безутешная невеста...».

– Что это? – поднял он голову. Он попытался найти взглядом лейтенанта, но его не было. Перед ним на стене висело зеркало, на которое был небрежно брошен черный платок. Край платка сполз, и в зеркале отражалось...

Он вскрикнул, обернулся, пытаясь защититься от наступающей тьмы. Животный страх сковал все его члены, безмолвный крик застыл в горле.

– Александр..., – услышал он тихий женский шепот...

Тварюшка

История одной девушки

Танюшка проснулась сразу и внезапно, от того, что у нее вдруг на миг остановилось сердце. Она открыла глаза, учащенно дыша и пытаясь понять, что случилось.

В комнате было еще темно. В кухне слышались шорохи – мать уже встала. Спать больше не хотелось.

Кажется, ей что-то снилось. Или...

Она снова закрыла глаза и прислушалась к себе. Так и есть. На нее напознала странная, тягучая истома. Внутри крепла уверенность, что сегодня что-то случится. Именно сегодня. И к этому надо быть готовой.

Она сладко потянулась. Не хотелось никуда идти – хотелось валяться и ждать вечера. В том, что это будет именно вечером, она не сомневалась. Посмотрела на часы – семь. Пора вставать.

Она проскакала в ночнушке в ванную, махнув по дороге матери. Та уже пила чай – ей было к восьми. Танюшке тоже было к восьми, но до училища было рукой подать.

К тому времени, когда она привела себя в порядок, мать уже стояла в коридоре. Момент был самый удобный. Чмокнув ее в щеку, она как можно убедительнее сказала:

– Я поздно сегодня буду. Репетиция.

– Ладно. В подоле с репетиции не принеси.

Подобные неудачные остроты появились у матери в последнее время, и очень сильно нервировали обеих. Танюшка с сомнением подняла брови и посмотрела на мать. Та огорченно вздохнула и вышла.

Танюшка любила этот момент – она оставалась одна дома, и в такую рань гарантированно никто не мог придти. Разве что мать могла что-то забыть и вернуться. На эти полчаса она оставалась полной хозяйкой – и дома, и себя.

Танюшка скинула ночнушку и осталась голышом. Последние пару лет она так и спала – безо всего. Ей нравилось оставаться вот так – наедине со своим телом. Телом, которое теперь знало, что оно хочет.

Она ощутила укол голода. Того голода – не в желудке, а где-то ниже, объемнее. Голод заполнял ее всю, он требовал, чтобы его слушали, действовали по его указаниям. Танюшка включила кофеварку и подошла к зеркалу. Последнее время она пристрастилась к крепкому кофе, хотя еще недавно совершенно не выносила его. Вернее, ее приучили – приучил человек, мысли о котором все чаще занимали ее голову. И не только голову.

Она внимательно посмотрела на свое отражение. Красивая. Очень красивая. Огненно-рыжие волосы оттеняли белоснежную кожу. Она настоящая пара Артуру – пусть даже он почти вдвое ее старше. Она вспомнила, как совсем недавно вот так же стояла перед зеркалом в его квартире, обнаженная – и не одна, а с ним... И тогда ее совсем не мучил голод.

Кофеварка отшипелась. Танюшка соорудила два бутерброда и налила кофе. Жуя, она на ходу примеряла блузки и заодно размышляла, а не махнуть ли сегодня рукой на занятия. Но в училище время проходило быстрее – а ее жгло нетерпение. Скорее бы вечер.

Раздался звонок. Танюшка не спрашивая щелкнула замком – это была Дашка, она всегда заходила к ней перед занятиями. Если умудрялась не проспать. Дашка протиснулась в коридор, вместе с ней вошла волна табака и подъездного запаха.

– Накурилась, – с осуждением сказала Танюшка.

– Я не в затылку, – шуткой ответила Дашка. Танюшка ушла в комнату – к двери она выскочила в трусиках и накинутой на плечи кофточке. Ей вслед раздалось завистливое цыканье подруги – та была толстоватой и всегда завидовала ее фигурке.

– Проходи? Бутер хочешь? – спросила Танюшка.

– Не. Хочу, – невпопад ответила Дашка.

Танюшка снова выскочила в коридор и отдала второй бутерброд. Крепкий кофе моментально отбивал аппетит, ей уже не хотелось есть.

– Эх, была бы я парнем, я бы тебя..., – с ноткой зависти сказала Даша, провожая ее взглядом.

– Ага, – сказала Танюшка. – Ты ешь пока, я сейчас соберусь. Как там, тепло?

– Лето.

Танюшка кивнула своему отражению в зеркале. Хорошая погода была ей нужна. Не пошел бы весенний дождь только под вечер.

Она подвела глаза, покрасила ресницы. Ресницы были рыжеватыми, ей это не нравилось, как не нравилась и их куцость. Посмотрела на помаду, потом подумала, что скромность ей больше к лицу. «Пожалуй, сегодня не нужно больше», – решила она. На секунду ей стало жалко томящуюся в коридоре Дашку, но потом она вспомнила, что у той есть бутерброд.

«И никаких джинсов», – решительно сказала она. Короткая юбка была не по сезону, но в тему. Белые носки дополнили ансамбль. Две резинки перехватили волосы, превратив ее в наивную восьмиклассницу.

– Оу, – растерянно сказала Дашка, когда она вышла в коридор. – Ты чего это? Такая секси...

– Фигня. Хочется, – ответила Танюшка, надевая туфли. – Пошли, опоздаем.

* * *

Он проснулся рано и понял – сегодня. Чутье, которое его никогда не подводило, заставило сердце яростно биться в предвкушении того, что случится.

Он уже неделю искал такой встречи. Злобный червь страсти грыз его – он был готов лезть на стенку и орать от сжигающего желания. Он не мог ходить по улицам – по-весеннему обнаженные ноги девочек невероятно возбуждали его. Он силой заставлял себя отворачиваться от очередной школьницы, но его взгляд тут же падал на следующую.

Больше терпеть было невозможно. Это должно было случиться сегодня – или он знал, что произойдет по-другому. Он забьется в ванну и перережет себе вены. Он это видел не раз в своих снах-кошмарах.

И лучше, чтобы девочка была рыженькой. Он всегда мечтал о том, чтобы она была рыжей – как та девочка из детства. Ее звали Света – он всю жизнь мечтал найти ее, чтобы показать, кто последний в том их разговоре.

Теперь он понимал, что тогда она пошла танцевать с ним от скуки. Даже не из жалости к худенькому прыщавому недоноску – именно от скуки. Ее, умницу, но отнюдь не красавицу, парни обходили стороной – боялись показаться глупее. Он не боялся – однако на него она даже не смотрела.

Когда он неловко пригласил ее – она посмотрела на него, как на мебель. Однако неожиданно встала и протянула руку. Конечно, она не замечала, что добрую половину вечера он не сводил с нее глаз, проигрывая в уме, как он это сделает – и никак не решался, ища все новые причины: не та музыка, не то освещение, не то выражение лица.

А потом, во время танца, случилось это. Он не мог совладать с собой – она была слишком близко. Он ощущал ее всем телом – ее грудь терлась о его грудь, под пальцами были какие-то таинственные ляпочки, их бедра соприкасались... он как будто плыл по волнам счастья и невероятного блаженства. Он не видел, как она странно смотрела на него и неуклюже старалась отстранить свои бедра от его. И вдруг все кончилось.

– Никонов, ты debil! – раздался в его ушах ее злобный громкий шепот. Она остановилась – он тоже, с размаху наступив ей на ногу и получив в ответ хлесткий мат. Она с омерзением смотрела на него – и на его бежевые штаны, спереди которых расплывалось липкое пятно. Капелька попала на ее платье – она увидела это, ее глаза вспыхнули лютой ненавистью.

– Чтобы ты... больше... никогда... козел! – звонкая пощечина привлекла внимание окружающих и окончательно отрезвила его. Света быстрым шагом вышла из зала, а он остался стоять – в мокрых штанах, с пылающей щекой и с судорогами затихающего внизу живота оргазма.

– Что, Никон, Светку залапал? – заржал рядом Леха-толстый. – Ну и как она наощупь?

Стараясь сдерживать слезы, он бросился к выходу. Наутро он перевелся в другую школу.

* * *

Занятия тянулись медленно. Танюшка как могла развлекала себя – но из головы не шло то, что должно было случиться. Это занимало всю ее.

Она знала, что завтра все будет опять хорошо. Что она станет обычной девушкой – в меру смешливой, в меру наивной, в меру даже глупенькой. Будет нравиться мальчикам и не нравиться местным курочкам, которые мнят из себя красоток. Но сегодня к ней никто даже не подходил – должно быть, от нее за версту несло голодом и черной страстью.

«Главное – не встречаться с Артуром», – как заклинание, думала она. Она не видела его уже неделю, и он ее, соответственно, тоже. А это значит, что он вот-вот должен появиться – или раздастся его уверенный голос по телефону, или, что еще хуже – он сам приедет на машине к школе или к дому. Хотя она сто раз запрещала ему это делать. Однако он на то и был ее мужчиной, чтобы не слушать глупую женщину.

Но встречаться им было нельзя. Она понимала, что не сдержится. Что просто убьет его. И тогда умрет сама. Потому что жить без него она могла, но не хотела.

На одной из перемен, однако, она убедилась, что далеко не все обходят ее стороной. Разговаривая с Янкой, она вдруг почувствовала чью-то ладонь на заднице. Резко обернулась и встретилась глазами с наглым взглядом Мишки, заядлого любителя хоккея. В смысле, не в телевизоре посмотреть, а взаправду поиграть. Был он даже какой-то местной звездой местной команды, но Танюшка в этой ерунде не особо разбиралась.

Мишка давно давал понять, что он неравнодушен – не столько к ней самой, сколько к выступающим частям ее тела. Танюшку это исключительно веселило, к зубоскрипению тупых курочек, писающих кипятком по Мишке и его друзьям, таким же спортсменам. Однако дальше словесных обменов любезностями и его попыток мимоходом ухватиться за что-нибудь дело не заходило. И заходить, конечно, не могло – она знала, что он скажет, еще за пять минут до того, как он раскрывал рот.

Вот и сейчас, достаточно ей было медленно перевести холодный взгляд с его лица на его руку, как рука сразу исчезла, а сам Мишка сделал вид, что ничего не было. Впрочем, Танюшка тут же перехватила ревнивый взгляд Маринки, которая точно видела, как Мишкина ладонь легла на ее зад. «Ну держись, коза», – подумала Танюшка и изменила выражение глаз. Она не знала, что именно она сделала и как у нее это получается – но Мишка немедленно расцвел и придвинулся к ней поближе.

На виду у изумленных одноклассниц она наклонилась к его уху и страстным шепотом сказала:

– Хочешь?

И тут же едва не расхохоталась, увидев, как расширились его глаза. Впрочем, главное, чтобы это увидела Маринка. А она видела – Танюшка чувствовала это спиной. Мишка довольно громко и растерянно сказал:

– Да...

– Вот вырастешь – обсудим, – внезапно сменив тон, прошептала она Мишке. – И не делай так больше.

Мишку как корова языком слизнула. Впрочем, его пылающие щеки увидели все. Она проводила его задумчивым взглядом, и вдруг подумала: «А, может...»

Нет. В училище делать это было нельзя ни в коем случае. Никогда. Хотя с истекающими слюной и другими естественными жидкостями мальчишками это было бы проще всего...

С тех пор, как у нее началось это – то есть два года назад – все как-то получалось само собой. И она даже не задумывалась раньше, что будет, если вдруг не получится. Как-то у нее такое случилось – и было очень плохо. Мрак перед глазами, тошнота, слабость. Она просто не могла ходить – лежала, повернувшись лицом к стене и не реагируя ни на что. Мать тогда перепугалась, вызвала врача – который разводил руками и говорил мудреные, но глупые слова, из которых было понятно, что ему ничего непонятно. Мать вызвонила даже отца – тот приехал, пьяный, в очках, перемотанных изолентой, воняющий подворотней. Приехал, поругался с матерью, взял у нее на бутылку и уехал.

А потом она встала и пошла. Туда, где ее уже ждали.

* * *

Он хорошо помнил, как это случилось в первый раз. Тем летом он не поступил в институт. Не увидев свое имя в списке зачисленных, он ворвался в кабинет председателя приемной комиссии, что-то доказывал, унижительно просил – и был с позором выставлен в коридор, под злобный смех таких же неудачников, как он сам.

Он пошел шататься по городу, подсознательно ища, какой эмоциональной встряской можно перебить стресс. Моросил дождь, одежда отсырела, однако ему было жарко и стыдно.

На набережной он увидел девочку, сидящую на скамейке. Сначала он вздрогнул – как она была похожа на Светку. Во всяком случае, со спины. К стрессу моментально прибавилась ненависть – но это оказалась не Светка. Какая-то рыжеватая блондинка сидела и грустила. Он вдруг понял, что он уже не в школе, что в этом, взрослом, мире его никто не знает. Подошел, сел рядом и как-то неожиданно для себя разговорился.

Оказалось, что девчонка, приехавшая из отдаленного поселка, тоже сегодня не поступила. Теперь ей предстояло возвращаться к себе домой – в однообразие, скуку и переплетение деревенских сплетен. Или что-то искать здесь, работу на какой-нибудь фабрике – непонятно с какими шансами выкарабкаться хоть куда-то, без жилья, без денег, без знакомых.

Они пошли гулять, несмотря на дождь. Он зачем-то соврал ей, что его дядька работает в деканате финансового факультета, куда она не поступила, и завтра он замолвит за нее словечко. Девочка расцвела и, казалось, совсем забыла про свои проблемы.

В глухой уголок парка они забрели случайно – кривые парковские дорожки были переплетены между собой и лишены всякой логики. В хороший день он бы сюда не пошел – тут

царствовала центровая шпана, и можно было запросто остаться без денег и часов. Но сейчас в парке было пусто.

Неожиданно для себя он наклонился, чтобы ее поцеловать. Девчонка закрыла глаза и охотно подставила пухленькие губы. Он прикоснулся к ним и вдруг, как наяву, услышал: «козел... никогда... ненавижу...» Ненависть и унижение мгновенно вспыхнули в нем – он схватил девочку за шею, повалил в мокрую траву и начал яростно срывать с нее одежду. Ее глаза, обезумевшие от ужаса, еще больше возбудили его – он представил на ее месте Светку, голую, униженную, поверженную, молящую о пощаде...

Впервые увиденная им так близко обнаженная грудь на миг остановила его – острые торчащие соски были столь беззащитны, что вызвали у него в душе волну сочувствия. Но страсть уже полностью завладела им – остатки белья полетели в сторону, он с силой раздвинул плотно сжатые бедра и ворвался в свою жертву. Ее вопль еще больше раззадорил его – раздирая ее плоть, он одновременно схватил девушку за горло и начал сжимать его пальцами. Он понимал, что она умирает – вытаращенные глаза, высунутый язык и судороги ее тела не оставляли ни малейших сомнений в этом. Но ему было все равно – он был ее победителем, а она – его жертвой.

На распростертое на траве тело он даже не оглянулся. Умиротворение и покой разливались у него внутри, он впервые за несколько лет был спокоен и уверен в себе. Страх пришел чуть позже – он просидел две недели дома, пугая мать и судорожно пролистывая газеты. Про убитую девушку никто не говорил, преступника никто не искал. Спокойствия хватило ему на год...

* * *

Из училища Танюшка вышла с облегчением. Этот детский сад изрядно ее раздражал. Впрочем, перед этим ее вообще все раздражало – она была напряжена и сосредоточена, и всякие мелкие глупости ее только отвлекали.

Дашка, как обычно, увязалась за ней. Ей явно хотелось курить, но она не решалась при Танюшке. Не успели они подойти к калитке забора, как позади раздался топот и пыхтение.

Танюшка обернулась – к ней на всех парах неслась Маринка. Бежать на каблуках было неудобно, выдающихся размеров грудь неэстетично болталась туда-сюда, сумка хлопала по боку, но «курочка» упорно рвалась к цели.

– Забыла чего? – иронично протянула Танюшка.

– Тебя забыла! – невпопад ответила Маринка, тяжело дыша.

Танюшка поняла, что попала под разборки. Хорошо еще, что Маринка без подруг – драться в одиночку она не решится. Дашка от греха подальше ретировалась в сторону и тут же полезла за сигаретами.

– Ну, я тебя слушаю, – Танюшка остановилась в проеме калитки, чтобы в случае чего спрятаться за столбик.

– Ты чего к Мишке пристаешь? – разъяренно завопила Маринка. – Что за дела-то вообще?

– Пффф, – Танюшка не удержалась и фыркнула прямо в лицо курочке. – Нужен он мне, твой пацаненок.

– Я видела, как он тебе нужен. Я все видела. Как он лапал тебя, видела. Забудь про него, поняла? Тварюшка!

Танюшка вздрогнула от такой переделки ее имени. Она слышала это прозвище и раньше, но не в такой ситуации, а чаще всего в шутку. Сейчас же оно было сказано всерьез.

– А что будет? – улыбнувшись как можно язвительнее, спросила она.

– Что будет? Увидишь, что будет, коза драная!

«Ну, хватит», – подумала Танюшка. Из школы вышли несколько человек, в том числе и Маринкины подруги. Если они застанут ссору – быть драке. А драться ей сегодня нельзя. Никак.

Она на мгновение прикрыла глаза и представила Маринку лежащей на земле. Мертвой. В ее груди начало раздуваться что-то черное, мрачное и холодное. «Кстати, плохо, что я не мужик», – мелькнула шальная мысль. Она подняла веки и посмотрела Маринке в глаза. Та осеклась на полуслове. Ее лицо побелело, она отшатнулась и в ужасе начала неумело крепиться.

– О господи..., – пробормотала она. Дашка с изумлением смотрела на происходящее. Маринка резко выдохнула и опустилась на землю. Ее белые колготки моментально стали черными, но она не обратила на это внимание, держась обеими руками за голову.

– Пойдем, – сказала Танюшка и пошла вперед, не оглядываясь. – И выбрось сигарету.

* * *

С того первого раза он стал во сто крат осторожнее. Далеко не все убийства проходили незаметно – кое о каких шумел весь город. Он знал, что милиция с ног сбилась его искать – и потому старался менять тактику.

Оперативники будто сорвались с цепи после девочки, которая оказалась дочкой генерала. Она сама пошла с ним поболтать, а потом согласилась поехать на пляж. Сначала он подозревал в ней «подсадную утку», но потом понял, что пресыщенная и скучающая девица просто ищет приключений.

Была уже осень, на загородном пляже никого не было. Они забрались на гору, поросшую кустарником – летом здесь уединялись десятки парочек, но сейчас они спугнули лишь какого-то кота. Девчонка болтала без умолку, рассказывая о своей бурной жизни – он же злился на нее. Она была вовсе не похожа на Светку и не вызывала в нем ничего, кроме раздражения и презрения.

Сорвала с катушек его сушая мелочь. Девчонка была в футболке и короткой бежевой юбке, из-под которой выглядывали длинные загорелые ноги. Вряд ли она демонстрировала их специально – скорее на автомате работал женский инстинкт. Сами по себе ноги его мало заводили, но когда она в очередной раз к нему обернулась, он увидел мокрое пятно, расплывающееся спереди ее юбки. Наверное, капнула роса с куста. И тогда он рванулся к ее горлу.

Она оказалась не девственницей, к тому же яростно сопротивлялась, исцарапав все его тело и даже пару раз дотянувшись до лица. Он жестоко избил ее, сломав ребра и нос, потом изнасиловал и задушил. Она оказалась единственной и любимой дочкой генерала – милиция рыла целый год, проверяя каждую мелочь. Он был напуган и разочарован, уехал из города на два года, сменив работу. Потом вернулся. Долго приходил в себя.

Сейчас он бесцельно бродил по микрорайону, вертя в руках бутылку с колой. Он заметил, что мужчина с колой вместо привычного пива всегда внушает доверие. Периодически он садился на скамейку и из-за затемненных стекол очков лениво разглядывал проходящих девушек. Его должно было торкнуть – это было сразу, как наркотический приход, при первом взгляде на «свою» девушку.

К школе и стоящему рядом училищу, набитому вчерашними школьницами, он даже не приближался – это было смертельно опасно. Старался дважды не проходить по одному и том же месту, чтобы не попасть в поле зрения вездесущих бабушек, которые по случаю хорошей погоды стаями, как воробьи, высыпали на скамейки. Держался подальше от офисных зданий с их системами видеонаблюдения.

Парочку девушек он увидел издалека. Смешная толстушка, подпрыгивая от восторга, о чем-то болтала. Ее подруга строго слушала, явно думая о своем. «Боже, как хороша», – подумал он, стараясь не смотреть на нее в упор. Его мгновенно охватил жар. Зрение как будто сделалось в сотни раз острее – он видел каждую складочку ее блузки, каждую пору ее тела. Ему казалось, он даже проникал сквозь одежду. Она была прекрасна.

Девушки прошли мимо него. Он готов был поклясться, что она даже не посмотрела на него – но он всей кожей почувствовал, что она его увидела. «Ловушка?», – подумал он. Нет. Девчонки точно идут из школы или училища, да и по возрасту вряд ли подходят под подсадных уток. Он дал им пройти, встал и лениво, разглядывая вывески, пошел следом. Они углубились в недра микрорайона – тут было больше кустов и параллельных дорожек, и он смог подойти поближе, оставаясь незамеченным. Около детской площадки они остановились – он подошел совсем близко и окончательно убедился, что это не подстава. Девчонки болтали о какой-то Маринке и каком-то конфликте из-за парня.

Вдруг он насторожился. Девчонки прощались – теперь ему нужно было выследить, где живет его избранница.

– Вечером дома будешь? – спросила толстушка.

– Нет. На репетицию пойду. К семи.

– Допоздна?

– Да.

– Ну ладно, чмоки тогда. Завтра утром зайду?

– Конечно.

Девчонки поцеловались и разошлись. Он не двигался с места – в этом не было необходимости. Ее подъезд было видно и из кустов.

* * *

Танюшка упала одетой на кровать. Ее колотило – она буквально физически почувствовала его. Мужик был глуп – его темные очки и напускной вид бездельника мог обмануть только какую-нибудь провинциальную дуру. Впрочем, на таких он, скорее всего, обычно и нарывался.

Она подумала, не слишком ли рано сказала Дашке – вернее, ему – время. В семь еще не темно – и в парке, через который она собралась идти как будто на репетицию, всюю гуляет молодежь. Впрочем... что, если не в парк? Правда, это будет связано с транспортом, но зато наверняка...

Она посмотрела на часы. Еще целых пять часов. И надо умудриться уйти до прихода матери – иначе та очень удивится ее мини-юбке и просвечивающей кофточке. И опять будет язвить.

Голод... Он все сильнее. Ноющие ощущения внутри практически не прекращаются. Она покрутилась на кровати, прижала руки к животу. «Скоро все будет», – сказала сама себе.

Она включила чайник, пошарилась в холодильнике. Готовить не хотелось. К тому же нужно было делать уроки – что тоже не хотелось. Она махнула рукой, вытащила остатки каких-то древних пельменей. Щедро всыпала в воду приправы и перец. К этому ее тоже приучил Артур. Взяла учебник английского, поставила его в подставку.

Пельмени были гадкими, несмотря на приправы. Она вылила в тарелку остатки сметаны – вкус немного улучшился. Она снова заглянула в пустой холодильник, и ей пришла в голову светлая мысль.

Она набрала телефон матери, спросила, как дела, посетовала на то, что в холодильнике шаром покати. Пожелала хорошего дня. Теперь минимум час отсрочки ей гарантирован – мать наверняка пойдет по магазинам. Свинство, конечно, заставлять ее таскать тяжелые сумки, но ради дела приходится.

Английский не шел в голову. Танюшка залезла в ванну, долго стояла под прохладными струями. Потом намылилась материным шампунем – он был почти без запаха. Она знала, как важен запах в таком деле – чуть что не так, и все могло сорваться. Провела руками по намыленному телу – о, да, она хороша. Ни одна сволочь не устоит. И не сволочь тоже. Пальцы нырнули вниз, в тугую щель. Да. Скоро ты получишь свое.

Выбравшись из ванной, Танюшка немного посидела в кресле, завернувшись в халат. Потом не спеша занялась ногтями. Она отдавала себе отчет в том, что тянет время – садиться за уроки не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Даже думать.

Скорее бы...

* * *

Все было на мази. Он вернулся домой, еще раз перезвонил в офис. Выяснил, что все нормально, без него обходятся, он может спокойно «болеть».

У него поднялось настроение с того самого момента, как он услышал про время. Теперь главным было – не спугнуть. Но тут он был мастером своего дела. Он специально тренировался теряться в толпе, моментально менять внешность, бесшумно ходить. Из него, наверное, получился бы хороший разведчик.

Он принял душ, сменил рубашку, погладил брюки. Проверил крепление оружия на подкладе куртки. Он никогда его не использовал – только ощущение беспомощного тельца под его пальцами давало ему совершенно экстатическое ощущение удовлетворения. Но, кроме девушек, были еще оперативники и хулиганы. Именно для них слева был прикреплен длинный тонкий стилет, а справа – купленный по случаю с рук ПСМ.

Последние полчаса он ни о чем не думал. Просто отключил мозг. Он стал как робот – робот, идущий на выполнение задания.

На улице смеркалось, хотя было еще достаточно светло. «Это может помешать», – подумал он. К ее дому он подошел заранее. Устроился на присмотренной еще днем скамейке – далеко от подъезда, но откуда все было видно как на ладони. Вариантов, куда она могла пойти, было не так уж много – школа, училище, Дом культуры, остановка. Последнее было хуже всего – она сразу заворачивала за угол и терялась из виду.

Она вышла в половине седьмого. «Вряд ли в школу, тут десять минут идти», – подумал он. Девушка была одета так же, как ходила в школу – блузка, мини-юбка, белые носки. Объемистая сумочка не в стиль одежде. «Холодно ей будет возвращаться», – пришла в голову дурацкая мысль.

Она оглядела двор и решительно завернула за угол. До остановки было недалеко, и он мог ее упустить. Оглядевшись, не видит ли кто, он быстрым шагом дошел до угла дома. Она уже стояла на остановке, спиной к нему.

Он занервничал. Если сейчас подойдет автобус, он не успеет. Хотя, если быстро побежать... что может быть естественнее бегущего за автобусом человека?

Автобус действительно подошел, но она в него не села. Он не спеша подошел к остановке, прошел мимо нее, совсем рядом. Она задумчиво смотрела вдаль, не обращая ни на кого внимания. Он на ходу вдохнул запах ее волос. У него закружилась голова и заболели скулы от сдерживаемого стога. Захотелось ее растерзать прямо здесь, забыв про все...

Подошел восемнадцатый. Она зашла, сразу прошла вперед. Он вошел следом за ней, сел сзади. Это было опасно – у водителей наметанный взгляд, они хорошо запоминают пассажиров. Он надел темные очки – это выглядело глупо в такое время, но хорошо меняло внешность.

Она смотрела в окно, не нервничала, рассеянно крутила пальцем рыжий локон. Юбка задралась, теперь он видел ее бедро почти до самых трусиков. Каждое ее движение сводило его с ума. «Скорее бы», – непроизвольно торопил он автобус.

Наконец она встала, поискала в сумочке, достала монетки. Он подождал, пока автобус будет тормозить, пропустил перед собой какую-то бабку, не спеша вышел следом. Ее фигура была видна впереди.

«Куда это она?» – недоуменно подумал он. «В Клуб железнодорожников, что ли?» Если это было так, то девушка явно пыталась срезать окружной путь через привокзальные трущобы и небольшую рощу, в дневное время обсиженную местными алкоголиками. «Смелая», – мелькнула в голове мысль. Он прибавил шаг. Она завернула за угол и исчезла.

* * *

Мужик вел себя далеко не как идиот. Танюшка даже засомневалась, не ошиблась ли в нем. Он очень профессионально следил за ней, ни на минуту не давая шанса что-либо заподозрить.

«А побегай-ка», – подумала она, резко сворачивая в узкий проход между заборами. Этот проход выходил к небольшой и темной рощице. Конечно, ходить здесь было рискованно – кому угодно, но только не ей. Впрочем, против нескольких пьяных ей тоже пришлось бы тяжело – но на этот случай в сумочке лежит подаренный Артуром шокер. Отнюдь не игрушечный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.